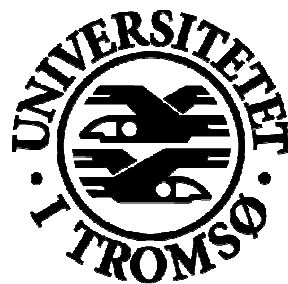


**РАСКОЛ В РУССКОЙ ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВЕ  
В ЛИТЕРАТУРНОМ ОТРАЖЕНИИ:  
РОМАН Владимира Личутина *РАСКОЛ***

*Av Tatiana Pedersen*



Masteroppgave i russisk litteratur  
Fakultet for humaniora, samfunnsvitenskap og lærerutdanning  
Universitetet i Tromsø  
Våren 2010

*ПАМЯТИ МОЕГО ОТЦА  
ВЛАДИМИРА АЛЕКСЕЕВА*

# ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>FORORD</b>	<b>5</b>
<b>ГЛАВА 1: ВВЕДЕНИЕ</b>	<b>6</b>
1.1 Тема и проблематика	6
1.2 Жанр исторического романа	8
<b>ГЛАВА 2: В. ЛИЧУТИН</b>	<b>11</b>
2.1 Жизненный путь	11
2.2 Творчество писателя	12
<b>ГЛАВА 3: ИСТОРИЯ РАСКОЛА В РУССКОЙ ЦЕРКВИ</b>	<b>15</b>
3.1 Великий князь Владимир, крещение Руси	15
3.2 Третий Рим	16
3.3 Течения в христианском мире Руси	17
3.4 Стоглавый Собор	17
3.5 Смута	18
3.6 Царь Алексей Михайлович	18
3.7 Окружение царя	20
3.7.1 Боярин Б. Морозов	21
3.7.2 Боярин Ф. Ртищев	21
3.7.3 Царский духовник С. Вонифатьев	21
3.8 Движение боголюбцев	22
3.8.1 Протопоп И. Неронов	23
3.8.2 Протопоп Аввакум	24
3.9 Патриарх Никон	25
3.10 Боярыня Ф. Морозова	27
3.11 Старообрядчество в России	29
3.11.1 Таежный тупик	29
3.11.2 Из истории старообрядчества	30
<b>ГЛАВА 4: ТЕМА РЕЛИГИОЗНОГО РАСКОЛА     В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ</b>	<b>32</b>
4.1 Протопоп Аввакум	32
4.2 Н. Лесков	35

<b>ГЛАВА 5: АНАЛИЗ РОМАНА-ТРИЛОГИИ <i>РАСКОЛ</i></b>	<b>37</b>
5.1 История создания романа-трилогии	37
5.2 Краткое содержание	38
5.3 Композиция произведения	41
5.3.1 Автор — герой романа	45
5.3.2 Исторические хроники	46
5.3.3 Сны героев	47
5.4 Художественные особенности языка романа	47
5.5 Москва — третий Рим?	51
5.5.1 Московская Русь на пороге раскола	51
5.5.2 Вопрос о старообрядстве	52
5.6 Герои романа — представители Московской Руси	54
5.6.1 Государь Алексей Михайлович	54
5.6.2 Патриарх Никон	59
5.6.3 Царский двор	63
5.6.4 Противники реформы	64
5.6.4.1 Протопоп Аввакум	65
5.6.4.2 Протопоп И. Неронов	67
5.6.4.3 Боярыня Ф. Морозова	67
5.6.4.4 Соловецкий монастырь	69
<b>ГЛАВА 6: ЗАКЛЮЧЕНИЕ</b>	<b>72</b>
6.1 Роман Личутина — анализ раскола в русской Церкви и обществе	72
6.2 Современное общество и отголоски раскола	73
<b>СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ</b>	<b>75</b>
Цитируемые работы	75
Остальная релевантная литература	78

# FORORD

Masteroppgaven min er ferdig. Spørsmålene som jeg har arbeidet med, har jeg hatt stor interesse av fra min skoletid i Russland. Men det er først nå jeg har fått mulighet til å fordype meg i dette temaet. Jeg er lykkelig fordi jeg fikk god kjennskap til patriark Nikon ved hjelp av V. Lichutins roman *Raskol*.

Jeg vil først takke min veileder professor Erik Egeberg som har gitt meg mange nyttige råd og veiledninger. Jeg setter stor pris på hans kyndige hjelp. Jeg vil også takke professor Tore Nettet for hjelp med mine spørsmål. Jeg vil rette stor takk til min russiske konsulent Olimpiada Litvinenko. Jeg retter særlig takk til min prest Ioann. Familien min og venner har også støttet meg. Dette gjelder særlig min mamma, Anastassia, Nikita og Torbjørn. Stor takk til min tante Ekaterina Grigorjeva som hjalp meg med bøker.

Dessuten vil jeg tilføye følgende informasjon. I Norge finnes bare første del av romanen *Raskol* som selvstendig utgave, men jeg har undersøkt alle tre deler av romanen som ble utgitt i Russland. Når det gjelder teksten i min oppgave, har jeg brukt forkortelser: *ПЦ* i stedet for *Русская Православная Церковь*, *царь А. М.* i stedet for *царь Алексей Михайлович*. Henvisninger til Lichutins *Raskol* står i min oppgave med informasjon om årsutgave, nummerdel og sidenummer.

# ГЛАВА 1

## ВВЕДЕНИЕ

### 1.1 Тема и проблематика

В конце 90-х г. прошлого столетия вышел первый том исторического романа-трилогии *Раскол* (о процессе написания и опубликования второго и третьего томов подробно в *Истории создания романа*). Написал произведение современный русский писатель Владимир Личутин. Автор повествует о церковной борьбе в Московской Руси в XVII в., расколовшей в итоге РПЦ и общество. Этот вопрос затрагивал умы многих передовых людей, писателей и художников в последующие XVIII-XX вв. Личутин пытается разрешить проблему раскола, чтобы понять реальную картину происшедшего: *каковы были причины проведения церковной реформы?* Я интересуюсь историей РПЦ, поэтому в своей работе хочу провести исследование этого исторического факта *раскола* на основе романа-трилогии В. Личутина. На сегодняшний день еще немного критических статей и работ к произведению Личутина, роман вышел недавно.

Роман Личутина — *первое осмысление в русской литературе церковного раскола*. В чем же главная мысль *Раскола*? А в том, что В. Личутин первым в художественной литературе — во всем горестном объеме постиг размах русской беды, что скрывается за этим острым, но давно обкатанным волнами времени словом *раскол* (Архипов 2005:№ 39). Царь А. М. и его окружение желали расширения власти далеко за Россию, становлению ее как мирового православного центра. Ключевский указывал, что в лучших русских умах около половины XVII в. оживилась мысль о вселенской Церкви, обнаружившаяся у патриарха Никона нетерпеливой и порывистой деятельностью, направленной к обрядовому сближению русской Церкви с восточными Церквями (Ключевский 1957:3:313). Идея теории *Москва — третий Рим* волновала царский двор, сильный патриарх Никон полностью устраивал тогда правящую элиту. Он был исполнителем и носителем воззрений, идей и желаний. Так, в моем интервью писатель В. Личутин четко очертил эту суть: *Патриарх Никон явился кулаком руки, которой самодельцем переворота общественного и религиозного был царь А. М. Эти*

*религиозные идеи были для Никона внутренне не состоятельны. Он не представлял, какой выйдет раскол, какую смуту в умах это вызовет* (Личутин 30.03.2008). Никон попал в бурливый и мутный водоворот разносторонних стремлений, политических замыслов, церковных недоразумений и придворных интриг (Ключевский 1957;3:303). При более близком рассмотрении, как следствие проведенной реформы в РПЦ, в обществе произошел *раскол*.

Роман-трилогия является историческим романом, поэтому в пункте 1.2 я делаю анализ жанра исторического романа в русской литературе. Произведения В. Личутина еще мало известны в Норвегии, и я посчитала необходимым описать во 2-ой главе некоторые моменты биографии и творческого пути автора. Для того, чтобы прийти к правильному пониманию проблемы, в 3-ей главе работы рассматривается предыстория раскола в РПЦ. Основные вопросы, которые я исследую здесь, раскрывают сущность явления, дают необходимое ознакомление с историческими событиями той эпохи. Здесь же я рассматриваю идею Москвы о вселенской Церкви. Какова была позиция царя Алексея и его окружения? И как вывод из этого: вопрос необходимости проведения церковной реформы. Какова была роль патриарха Никона? Христиане, ушедшие из официальной Церкви в XVII в., имели своих предводителей, многие из них почитаются у раскольников-старообрядцев и в настоящее время. Кто были эти люди, какова их роль в движении раскольников? Чтобы более правильно обрисовать сложившуюся ситуацию в России в XVII в., я попытаюсь ответить на эти вопросы. Некоторые писатели посвятили вопросу *раскольников* свои труды. В основном все эти работы вышли в свет до революции 1917 г., в советское время этот вопрос не поднимался на страницах печати. Мне было весьма интересно посмотреть мнения других писателей по этому вопросу. Поэтому в 4-ой главе я рассмотрела два произведения, одно из них — противника реформы протопопа Аввакума.

Как я уже обращала внимание, писатель Личутин впервые подошел к рассмотрению этого церковного и общественного переворота. Особую роль и причастность к этому царя А. М. никто так серьезно не рассматривал ранее. По признанию самого автора, процесс написания романа *Раскол* был многоступенчатый, сложный. При пояснении главной идеи романа автор сказал, что *Русь лишили заповедного пути, который у каждого народа свой, чужую жизнь решили притащить к нам — вот в чем суть*

*раскола* (Рычкова 2006:143). Личутин смог почувствовать всю глубину раскола общества, отголоски которого слышны до сих пор. В 5-ой главе я проанализирую причины возникновения церковной борьбы в России, исходя из оценки их Личутиным. Моей задачей будет определение роли царя А. М. и патриарха Никона в этой ситуации, а также противников нововведений: протопопов Неронова и Аввакума. В заключительной 6-ой главе я подытоживаю результаты моего исследования и рассматриваю влияние раскола на жизнь современного общества. Как я упоминала выше, я обращалась к автору романа-трилогии В. Личутину. Разговор был весьма познавателен для меня, писатель ответил на все вопросы. Другие источники, которые я использовала при моем исследовании, это солидные журналы и газеты России: «Дружба народов», «Континент», «Литературная газета», «Литературное обозрение», «Литературная Россия», «Литературная учеба», «Наш современник», «Новый мир», «Роман-газета», «Север», «Труд». Я воспользовалась также материалами из журнала Московского Патриархата «Русская лепта», который выходит в Норвегии.

## **1.2 Жанр исторического романа**

Трилогия *Раскол* — исторический роман, поэтому речь здесь пойдет об этом жанре. Своеобразие его в том, что художественное воссоздание исторической эпохи дает возможность читателю окунуться в реальные события того времени, ощутить себя внутри происходящего. Но правдивое воспроизведение исторической реальности является основной целью при написании такого романа. В каждую эпоху обществом правят различные идеологии, поэтому общество руководствуется своими оценками исторических событий прошлого, роли личности в масштабе истории. Историческая объективность в передаче специфики социальных отношений, быта героев романа является важным моментом. Но исходя из того, что любая историческая эпоха — время давнее, то возможно подключение воображения автора. Тогда он сам должен оценить достоверность описываемой эпохи. Также хочу отметить, что к историческим романам относятся и такие, в которых действие происходит в недалеком прошедшем времени (например, *Архипелаг ГУЛАГ* А. Солженицына). Провести разделительную черту между периодом жизни автора и временем развития действия в историческом романе



невозможно, ведь, прошедшие события — часть жизненного пути автора, история страны, народа.

В XIX в. появились первые русские исторические романы М. Загоскина: *Юрий Милославский* (1829), *Рославлев* (1830), *Аскольдова могила* (1833), *Кузьма Рощин* (1836), *Брынский лес* (1845); И. Лажечникова: *Последний новик* (1833), *Ледяной дом* (1835), *Басурман* (1838). В творчестве А. Пушкина можно выделить такие исторические романы: *Арап Петра Великого* (1830), *Капитанская дочка* (1836). Важно упомянуть также роман Л. Толстого *Война и мир* (1867-1869). Но меня интересует развитие исторического жанра в период XX в. и начала XXI в. (как я упоминала выше, *Раскол* и написан на стыке этих двух веков). Так, среди первых художественных отражений событий революции 1917 г. можно назвать: *Падение Даира* А. Малышкина и *Донские рассказы* М. Шолохова, рассказы и повести А. Неверова, *Железный поток* А. Серафимовича. Насилие и ненависть в них рассматривались как прямое порождение векового угнетения народа. Из истории России извлекалось все, что было связано с освободительной борьбой. Народ как стихия выступал в роли коллективного героя, но личность растворялась в массе до полной потери индивидуальности (Гордович 1997:291). В 1922 г. была организована литературная группа *Октябрь*, с которой начинается история самой массовой и радикальной группы РАПП (Российская Ассоциация Пролетарских Писателей, 1928 г.); сходные ассоциации: МАПП (московская) и ВОАПП (всесоюзная). Ближайшая цель этих образований — укрепление коммунистической линии в литературе (Гордович 1997:37). В те годы было популярно обращение к образам народных героев: например, роман А. Чапыгина *Степан Разин*. Но уже после 20-х г. отмечается внимание к индивидуальному сознанию: О. Форш *Радищев*; Ю. Тынянов *Смерть Вазир-Мухтара*, где автор, заостряя конфликт личности с обществом, показывает бессилие героя. Роман А. Толстого *Петр I* считался образцовым произведением в этом жанре. Переключка эпох ощущалась автором во взрыве человеческой энергии и воли. Но на концепции романа отразилась официальная идеология 30-х г.: в образе Петра утверждалась сильная государственная власть и оправдывалась жестокость (Гордович 1997:292). Хочу отметить, что перед литературой социалистического реализма была поставлена задача выражения интересов партии. Так, стал пропагандироваться *новый тип писателя*, когда особенно одобрялась *революционная бодрость*. Литературе и искусству все больше отводилась роль

проводника партийной идеологии (Макарова 2002:230-235). В 40-е г. на первый план выступает задача патриотического воспитания, как пример этого — трилогия В. Яна *Нашествие монголов*. Отечественная (Вторая мировая) война — историческое явление. В 1952 г. вышел роман В. Гроссмана *За правое дело*: он был объявлен *идеологической диверсией*. Но после смерти Сталина эти обвинения сняли. Автор позднее продолжил роман, новая часть — *Жизнь и судьба*. В 70-е г. популярен В. Пикуль: его произведения явно выигрывали в сопоставлении с книгами, написанными по канонам соцреализма. В 60—70-е г. отмечается также обращение к историческим сюжетам, героям революции (серия *Пламенные революционеры*): роман В. Аксенова *Любовь к электричеству* (о Л. Красине), В. Войновича *Степень доверия* (о В. Фигнер). Ю. Трифонов написал *Нетерпение* (о народолюбцах), серию *Старик*, но героика в произведениях показана совсем в ином свете (Гордович 1997:294). В 70-е г. выходит роман Булата Окуджавы *Путешествие дилетантов*, о котором можно сказать так: чтобы понимать современность — надо знать свою историю. Так, в XX в. происходит переосмысление событий первой половины XIX в., когда тоталитарный контроль над личностью человека не оставляет свободы выбора. Окуджава противопоставляет официальной линии развития литературы свое художественное построение произведения. *Путешествие дилетантов* помогло тогда читателям сравнить их современность с историческим периодом России в романе, хотя режим коммунистического правления не имеет аналогов в истории государства. В период с 1958-1968 гг. А. Солженицын написал роман *Архипелаг ГУЛАГ*, в котором впервые показал жизнь в сталинских лагерях. Сенсацией в литературе была главная книга Солженицына — эпопея *Красное колесо* (1937-1981/1991), как *повествование в отмеренных сроках*. Это самый большой роман о русской революции XX в. А. Солженицын использовал мемуары, письма и дневники очевидцев: в романе подробно рассматриваются вопросы, как деревня, Церковь, казачество, кадеты, реформы Столыпина и т. д. В последнее время наблюдается интерес к исторической прозе. Но можно отметить такой факт, что среди авторов современных произведений этого жанра встречаются профессиональные историки. Так, роман *Патриарший крест* написан доктором исторических наук А. Яковлевым (здесь также затрагивается тема церковной жизни, как и в *Расколе*). Вопрос: каковы истоки прошлого? — остается быть актуальным. Ведь, как указывает академик Лихачев, историческая литература, в которой искали *откуда есть пошла* или *вещи сея начало* — форма правдоискательства (Лихачев 1991:226).

## ГЛАВА 2

### В. ЛИЧУТИН

#### 2.1 Жизненный путь

Главу о русском писателе Владимире Личутине я открываю словами критика А. Михайлова: *В нашу прозу пришел писатель, обладающий сильным даром этического повествования, владеющий словом. Писатель с острым психологическим и социальным чутьем* (Ушаков 2005:10.03). Писатель-прозаик В. Личутин (13.03.40) родом из Поморья — красивого края, лежащего на берегу Белого моря: здесь веками жили и промышляли в тяжелых природных условиях поморы. Один из предков писателя по отцовской линии, Яков Личутин из Мезени, принимал участие в экспедиции исследователя П. В. Чичагова в качестве кормщика. Пригласил его в эту экспедицию ученый, основатель Московского университета и поэт XVIII в. М. В. Ломоносов (Ушаков 2005:10.03). Именем другого Личутина, Михаила, который был мореплавателем, назвали один из островов Новой Земли (Михайлов 1974:№10). Именно из этого выносливого поморского народа и ведет свою родословную писатель. Отец Личутина был учителем, во время Второй Мировой войны он погиб на фронте. Послевоенная жизнь была тяжелой, Личутин решил учиться в Архангельском лесотехническом техникуме. Тогда на его выбор повлияло то, что семья испытывала лишения: он хотел скорее получить специальность и работать, чтобы помогать матери. В послевоенное время дети быстро выросли и рано начинали свою трудовую жизнь, что последовало также у Личутина: работа на лесозаводе, затем служба в армии. Возвращаться назад в свои родные края он не захотел и переехал на жительство в Ленинград, где трудился на одном из заводов. В северной столице В. Личутин решил продолжить свое образование и получить диплом горного инженера: будущий писатель стал студентом Ленинградского горного института (Санкт-Петербургский горный университет). Но Личутин понимает, что техническая специальность не приносит ему творческого удовлетворения в жизни, которое он ожидал. И он поступает в Ленинградский университет, но уже на факультет журналистики. На протяжении учебы Личутин работал корреспондентом в различных газетах и принимал участие в подготовке радио-передач. Это и газета *Север* города Мезени, и *Правда Севера*

Архангельской области, и журнал *Север* города Петрозаводска (Карелия). Эти годы учебы и сыграли решающую роль в становлении его как журналиста, а потом уже и писателя-прозаика. В 1974 г. В. Личутин стал членом Союза писателей, а в 1975 г. окончил Высшие литературные курсы в Москве.

В своих интервью В. Личутин рассказал о различных увлечениях. Так, например, одним из его пристрастий является интерес к автомобилям, которые он изучает вполне профессионально. На что я обратила внимание в газете *Вечерний Северодвинск*: у В. Личутина 1 разряд по шахматам (Ушаков 2005:10.03). Сейчас Личутин живет в отдалении от столицы, в подмосковном поселке писателей Переделкино. Корреспонденту газеты *Магнитогорский металл* он сказал: *Сейчас само звание писателя потеряло лоск, силу и покровительство. Все требуют читива, а писатель-консерватор бежит от читива, ему совесть не позволяет браться за такую литературу* (Воскобойникова 2007:03.09). Здесь размышление о современном звании писателя, что его как художника слова глубоко волнует.

## 2.2 Творчество писателя

В. Личутин представляет себе писательский труд, как возможность для воздействия на духовное состояние человека. В одном из интервью он говорит о том, *что от писателя требуется внутренняя чистота, хотя бы стремление быть чистым* (Воскобойникова 2007:03.09). Личутин дебютировал как писатель в 1972 г. в журнале *Север* с исторической повестью *Белая горница*, в которой описывает знакомый ему с детства быт поморской деревни. Все события здесь разворачиваются на фоне строящегося в стране социализма, процесса коллективизации в деревне. Личутин уже тогда в годы правления коммунистов писал о проблемах деревенских жителей. В 1973 г. выходят в свет повести *Иона и Александра* и *Обработно — время свадеб*. В 1976 г. — повести *Душа горит*, *Бабушки и дядюшки*. Через два года Личутин написал *Золотое дно*, *Вдова Ньюра*, *Крылатая Серафима*. Эти повести принесли ему большую популярность среди читателей, в них рассматривались интересные и важные темы, как веры, быта, любви и семьи.

Личутин написал в последнее время много произведений, тематика которых обширна, уделил он свое внимание и историческому жанру. Особое внимание писателя привлекает история Руси, история русского старообрядчества. Он написал исторический роман *Скитальцы*, который был выпущен в двух книгах: *Долгий отдых* в 1974 г. и *Скитальцы* в 1985 г. В этой дилогии писатель говорит о духовной жизни раскольников-старообрядцев в XIX в., исповедовавших христианскую религию изолированно от официальной Церкви. В 1979 г. выходит повесть *Последний колдун*, а в 1981 г. роман *Фармазон*. В *Последнем колдуне* писатель прибегает к иносказанию, чтобы философски подойти к проблемам деревенской жизни эпохи социалистического строя в России, что в те годы было не безопасно. В 1987 г. появился роман *Любостай*, в 2001 г. *Миледи Ротман* и в 2005 г. *Беглец из Рая*. В своих произведениях писатель затрагивает острые проблемы современной жизни в России, многие из которых возникли в результате правления коммунистической партии. Последующую трилогию *Раскол*, анализ которой я делаю в моей работе, В. Личутин написал: в 1990 г. *Венчание на царство*, в 1993 г. *Крестный путь* и в 1996 г. последняя третья книга из этой эпопеи — *Вознесение*. Здесь описаны события XVII века — поры возникновения церковного раскола в России.

В. Распутин пишет, что книги В. Личутина — это размышления о русском народе. Другому писателю такая работа была бы просто не под силу: его пытливость и искренность, как на исповеди, позволяет понять свой народ (Распутин 2000:01.04). Не каждый журналист, который решил стать писателем, достигает большого мастерства на этом поприще. Для этого необходимо иметь писательский талант. Личутин, несомненно, обладая таким талантом, имеет и чувствительную душу: он смог понять все пережитое в судьбе народа, смог почувствовать весь их трагизм. Многие критики прошлого столетия в 70-х начала 80-х гг. считали, что творчество Личутина развивалось в русле *деревенской прозы*. Умение воссоздать крестьянский характер, яркий портрет сближало его с творчеством В. Астафьева и В. Белова, бытописание — с творчеством Ф. Абрамова, художественное осмысление смерти и родовой памяти — с творчеством В. Распутина. Однако оригинальность личутинского мира определяется приоритетом эстетических форм познания жизни над социальными и нравственно-философскими. Для Личутина слово является единственной животворящей силой, которая рождает стихию образов по своим собственным законам (Вахитова 2007). И когда такой чуткий и пытливый прозаик, как Личутин, в одном из публицистических

**РАСКОЛ В РУССКОЙ ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВЕ В ЛИТЕРАТУРНОМ ОТРАЖЕНИИ: - 13 -**  
**РОМАН Владимира Личутина РАСКОЛ**

выступлений размышляет об идее спасения России, он опирается на собственный творческий опыт. Ведь именно эту идею он последовательно проводит и отстаивает во всех последних романах — *Расколе*, *Скитальцах*, *Миледи Ротман* и полемичном *Беглеце из Рая* (Большакова 2003:№10). Роман *Беглец из Рая* был удостоен Большой литературной премии России. Личутин написал несколько статей публицистического характера, в которых он выступает за *нравственные устои современного общества, за чистоту русского языка*. В своем выступлении на XI Всемирном Русском Народном Соборе он говорил о том, что настоящий, чистый, народный русский язык постепенно исчезает, что это печально. *Разговор о русском языке больной и тревожный для всякого совестливого человека и конца краю ему не будет, пока земля наша озабочена будущим и хочет радостно жить. Особенно нынче, когда грустно и тревожно в России, когда много развелось сквернословья и злословья. С гибелью деревни исчезает не только ее быт, но ощутимо мелеет верхний ходовой пласт языка* (Личутин 2007:14.03). Публицистика у писателя Личутина не является чем-то отдельным и особенным. Все это — часть творчества, отдельная грань его литературного таланта. Для большей наглядности подвожу итог литературному творчеству В. Личутина в виде следующего распределения его произведений:

1. Психологические очерки и эссе
2. Повести и рассказы-хроники о различных слоях общества
3. Исторические романы, повести
4. Публицистические очерки, статьи

Писатель, будучи выходцем из Поморья, сохранил свой народный язык. Его прозу сравнивают с повествованием русского сказочника, земляка — Степана Писахова. Личутинские произведения имеют необыкновенный оттенок: его язык полон диалектных слов и идиоматических выражений. На вопрос о том, есть ли у него свои читатели в зарубежных странах, В. Личутин ответил, что в основном его читают иностранные филологи, потому что язык его произведений перевести непросто (Воскобойникова 2007:03.09). Писатель В. Личутин был неоднократно отмечен различными литературными премиями, как им. Льва Толстого — премия *Ясная поляна* (в 2009 г. в номинации *Современная классика за трилогию Раскол*), Александра Невского, Владимира Даля, Союза писателей России, Всероссийской премии имени Ф. Абрамова, Большой литературной премии России.

# ГЛАВА 3

## ИСТОРИЯ РАСКОЛА В РУССКОЙ ЦЕРКВИ

События, рассмотренные мною в этой главе, являются историческим фоном для романа *Раскол*. Я освещаю период XVII в., заложенный в основе трилогии В. Личутина. Но необходимо указать, что сама история раскола в РПЦ начинается задолго до его появления. Здесь важны такие вопросы: политическая идеология Московской Руси, устройство Церкви. Но оттолкнуться было необходимо со времени появления христианства на Руси. Вопрос о различных течениях в РПЦ и их основателях также интересен: здесь можно наблюдать предпосылки для дальнейшего переустройства в Церкви. Сам раскол, охвативший Церковь и общество в XVII в., более глубок как явление, чем он представляется. Можно сказать, что в итоге он вылился в многовековую трагедию старообрядцев, последствия которой ощущаются до сих пор. Так, в прошлом XX в. отметили уже трехсотлетие раскола.

### 3.1 Великий князь Владимир, крещение Руси

Православная вера пришла на Русь из Византии в X в. (988 г. после Р. Х.) при правлении великого князя Владимира. Россия, где уже более ста лет укоренилось христианство, торжественно признала святость оною, почти в одно время с землями соседственными: Венгриєю, Польшею, Швециєю, Норвегиєю и Даниєю (Карамзин 1990;1:36). Как известно из летописей Киево-Печерского монаха Нестора: великий князь Владимир послал своих представителей в разные страны, чтобы получить достоверную информацию о вере этих народов. Послы побывали в столице православия Константинополе: *Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького*. Сказали тогда бояре: *Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его баба твоя Ольга, а была она мудрейшей из всех людей* (Нестор 1997:49). Владимир знал о том, что его бабушка, великая княгиня Ольга, еще ранее крестилась в Константинополе. Несомненно, это

повлияло на выбор решения великого князя: принять святую православную веру для Руси. РПЦ канонизировала его как равноапостольного великого князя Владимира.

## 3.2 Третий Рим

Говоря о русском средневековье, наверно, правильно начать с геополитического положения Руси на границах Европы и Азии. Монголо-татарское нашествие, бесконечная вражда между князьями были основной причиной ослабления русского государства. Но в XV в., в период царствования Ивана III, произошло усиление Москвы в северо-восточной Руси. Территория государства значительно расширилась: присоединение Новгорода, появление новых земель до Западной Сибири, расширение границ от степей Черноморья до Северного Ледовитого океана. Но не менее важно и то, что подчинение Золотой Орде прекратилось. В 1453 г. произошло падение столицы Византии Константинополя, так называемого второго Рима, под ударами южных тюрков, которые создали Оттоманскую империю. Византия всегда была в течение столетий главным источником культуры и православной веры для русского государства. *Сохранив православие, Русь почитала себя приемницей Византии.* Все это привело к тому, что во второй половине XV в. в Русской Церкви появилось учение об особом мессианском пути: теория *Москва — третий Рим*. Игумен Иосиф Волоцкий (1439/1440-1515) писал: *Яко древние нечестие превзыде русская земля, так ныне благочестием всех одоле* (Иосиф В. 1896:30). А новгородский архиепископ Геннадий составил *Повести о Белом Клобук* в 1480-1490 гг. *Белый Клобук — символ чистоты православия, был по словам легенды дарован императором Константином папе Сильвестру. Из Рима Белый Клобук позже попал в Константинополь — второй Рим. Оттуда Клобук был переслан на Русь* (ПСРЛ 1860;1:294-298). Но если говорить о теории *Москва — третий Рим*, то она оставила свой след у последующих поколений. Так, в начале XX в. символист Андрей Белый имел к этой теории свое отношение. Lillian J. Helle пишет: *Spesielt viktig i Belys myteunivers blir forestillingen om Moskva som "Det tredje Rom". Tanken om Moskva som "Det himmelske Jerusalem" får nu aktualitet gjennom symbolistenes myteskapning* (Helle 2004:262). Смысл чистоты православия, воплощенный в этих символах Москвы, отразился у А. Белого в идее его философии.



### 3.3 Течения в христианском мире Руси

В XV в. в церковной жизни произошел рост монастырского землевладения, источником которого стали обширные вклады со стороны богатых людей. Благодаря этому к XVI в. многие монастыри превратились в крупных землевладельцев (Шумилов 2000:191). Все это привело к тому, что некоторые миряне и церковно-служители стали отклоняться от официальной Церкви и объединяться в различные течения (ереси, по определению Церкви). В 70-е г. XV в. возникла *ересь «жидовствующих»*, которая в своей основе несла трактование Библии с позиции иудаизма. Необходимо также сказать и о течении *иосифлян*, которое возглавлял Иосиф Волоцкий. Он смотрел на монастырь как на своего рода учреждение, имеющее целью готовить иерархов для государственной Церкви (Шумилов 2000:192). Противоположного мнения придерживались сторонники религиозно-политического течения *нестяжателей*, основателем которого был Нил Сорский (1433-1508). Им было присуще *нестяжательное*, скромное проживание в монастырях. Исторический спор между течениями продолжал существовать и в дальнейшем, что не способствовало сохранению единства в Церкви. Все это привело к пробуксовке теории *Москва — третий Рим*.

### 3.4 Стоглавый Собор

Особое значение получил Стоглавый Собор, который состоялся в Москве в 1551 г. при правлении Ивана IV Грозного. Как известно, Православная Греческая Церковь всегда была эталоном для РПЦ. Но предпочтение отдали на Соборе русскому обряду, который произошел от древневизантийского, введенный на Руси еще в X в. и до того времени полностью сохранившийся. Подчинение греческому патриархату сохранялось и после Собора, и только в XVI в., при царствовании Бориса Годунова, решили все-таки дать РПЦ институт патриархата (Зеньковский 1995:38-40). Важно то, что решения Стоглавого Собора были начальным этапом для получения самостоятельности Русской Церкви.

### 3.5 Смута

Период Смутного времени был для Московской Руси разрушительным. Поэтому то, что произошло в дальнейшем в истории Церкви и государства, можно рассматривать временем подъема и обновления. Если говорить об основной причине появления Смуты в начале XVII в. на Руси, то, несомненно, она кроется в прекращении династии Рюриковичей. Н. Карамзин отмечал в своем труде «История государства Российского»: *Так пресекольсь на троне Московском знаменитое варяжское поколение, коему Россия обязана бытием, именем и величием, — от начала столь малого, сквозь ряд веков бурных, сквозь огонь и кровь, достигнув господства над севером Европы и Азии воинственным духом своих властителей и народа, счастьем и промыслом Божиим!* (Карамзин 1990;10:278). Это время характеризуется трагическими событиями в истории государства: вторжение иностранных интервентов, захват Москвы и Новгорода. Легитимность власти была нарушена на протяжении девяти лет после смерти Ивана IV Грозного до избрания на царство Михаила Федоровича Романова. Приход нового царя был спасительным для России. Boris Antonov пишет в *Russian tsars* о пришествии династии Романовых на российский трон: *Russia slowly rose from the ruins, returned to a normal life and restored its statehood. On 21 February 1613, representatives of different classes gathered at the Dormition Cathedral in the Moscow Kremlin to elect a new tsar. They unanimously voted for Michael Fedorovich Romanov* (Antonov 2005:59). Смута привела к хозяйственной разрухе Руси, но чувство национального и религиозного единства сплотило людей во время иностранной интервенции.

### 3.6 Царь Алексей Михайлович

Царь Алексей Михайлович (19.03.1629/1645-29.01.1676) — *тишайший*, был вторым царем в династии Романовых. За время царствования А. М. были преодолены последствия Смутного Времени. Период его правления называют *переходной эпохой*, тогда начали устанавливаться новые перспективы во многих сферах жизни и общества. При А. М. произошло воссоединение Малороссии (Украины) с Московской Русью. Ключевский указывал, что в этом вопросе наблюдалось обоюдное непонимание и недоверие. В Москве смотрели на присоединение Малороссии, как на продолжение

территориального собирания Русской земли (Ключевский 1957;3:118-119). Одновременно стали устанавливаться контакты с Западом. Многие преобразования завершил потом царь Петр Великий, но у этих истоков стоял его отец — царь А. М. Он был первым русским царем, открывшим для России западно-европейскую культуру. Так, у царя Алексея во дворце немецкие музыканты играли на органе. Московским послам предписывалось подговаривать за границей на государеву службу трубачей ученых. На придворной сцене играла драматическая труппа, набранная из иноземцев и обученная пастором Лютеранской Церкви магистром Иоганном Готфридом Грегори (Ключевский 1957;3:272). Образованность царя была неразрывна с религиозностью. Основы христианской веры, заложенные его учителями в детстве, стали неотъемлемой частью жизни А. М. Начинал царь свой день с утренней молитвы и духовного чтения. Ежедневно он посещал церковь, а в праздничные дни присутствовал на всех церковных службах и церемониях: на Крещение Господне, надев богатое платье, совершал вместе с верующими шествие «на Иордан» (Путилов 1999:359). Религия была для царя не только обрядом, но и высокой нравственной дисциплиной: он строго держал посты, прекрасно знал все церковные уставы. Необходимость в преобразовании государственного и общественного уклада, задачи внутренней и внешней политики имели у царя первостепенное значение: правящие верхи Московской Руси были озабочены национальными идеями о православном царстве. *Москва — третий Рим, последняя столица христианской мировой монархии, последнее хранилище истинной вселенской веры.* Эта национальная мечта, пошатнувшаяся в годы Смуты, снова овладевала умами верхов. Вселенскую роль Москвы усердно поддерживали греки. Так, например, в 1649 г. иерусалимский патриарх Паисий, приехав в Москву, желал царю А. М. *восприяти превысочайший престол великаго царя Константина*, а патриарху Никону *освящати соборную апостольскую церковь Софию* (Пресняков 1990:114). Если говорить о геополитике Московской Руси, то это: борьба за выход к Балтийскому морю, расширение южной границы к Черному морю. Поиски новых земель привели к образованию колоний на востоке, в Анадырском крае, Забайкалье, на Амуре. В то же время Московское государство значительно углубило свои связи с Западной Европой: были расширены торговые отношения с Англией, Голландией, Францией, Испанией, Венецией, Швецией, Пруссией (Пресняков 1990:141).

Царь прислушивался к мнению знающих людей, ценил их и использовал в своей практической деятельности. *Но многие представители царского круга оказывали свое*

*влияние на него: добродушие и маловольность царя этому способствовали.* На всякий вопрос он откликался с полным пониманием (Пресняков 1990:84). В деле усиления государственности возникла необходимость в сильном патриархе. Поэтому А. М. поддерживал кандидатуру Никона, предложенную его окружением. Царь возлагал большие надежды на патриарха Никона в вопросе реформации РПЦ, обновление которой предусматривалось на пути к православному царству со столицей Москва — третий Рим. Но выполняя свою миссию патриарха, Никон придерживался мнения о своей особой роли, которая заключалась в покровительстве всех христиан Московской Руси. Он считал, что царь не может заменить патриарха в некоторых вопросах. Современники говорили А. М., что Никон *возлюбил стоять высоко, ездить широко, что это патриарх, правящий вместо Евангелия — бердышами, вместо креста — топорками* (Соловьев 1993;9:293). Этим и воспользовались представители боярства — хранители старых устоев, которым Никон со своим преобразованием был неугоден. Между царем и патриархом возник конфликт, об этом я скажу более подробно в разделе главы о Никоне. Заканчивая же повествование о царе, я перехожу к рассказу об его окружении, чтобы правильно оценить ситуацию при царском дворе: каково было его влияние на царя А. М. ?

### **3.7 Окружение царя**

Как я уже обращала внимание, время правления царя А. М. не было спокойным и размеренным. Это была перестроечная эпоха не только для становления Московской Руси, но и установления абсолютного монархизма. Поэтому мне важно было понять, каким образом оказывалось влияние на царя извне, зависело ли косвенно его мировоззрение от окружающих людей. Заманчивая идея Москва — третий Рим окрыляла царский двор, в котором хотели перемен, расширения своей власти, ведь, их монарх мог бы быть правителем третьего Рима. Царя окружало множество слуг, в т.ч. родных ему по духу и делам, но я рассмотрю только тех, которые были для А. М. самыми близкими. Это пожилой и умудренный опытом дядька царя *боярин Морозов*, царский духовник *Стефан Вонифатьев* и личный близкий друг юного Алексея молодой *Федор Ртищев* (Зеньковский 1995:103). Это ближайшее окружение имело на царя особое влияние.

### **3.7.1 Боярин Б. Морозов**

Борис Морозов был воспитателем царя с детских лет, и его влияние оказалось самым существенным. Именно он привил царю интерес ко всему прогрессивному в достижениях науки и техники того времени. Б. Морозов вошел в русскую историческую литературу как фаворит царя (Зеньковский 1995:104). Боярин предпочитал западноевропейскую культуру, ввел в учебную программу царевича прием наглядного обучения, знакомил его с предметами посредством немецких гравированных картинок. Морозов одел царевича Алексея в немецкое платье (Ключевский 1957;3:321). Царь получил богатое представление о культуре и науке западных стран Европы благодаря своему первому наставнику Б. Морозову.

### **3.7.2 Боярин Ф. Ртищев**

Боярин Федор Ртищев был знатного рода, который был близок к царю. Это был своеобразный и православный покровитель Церкви и культуры. В годы сотрудничества с боголюбцами (1645-1652) Ртищев немало сделал для русского просвещения. Он помог переезду ученых монахов из Киева в Москву, устроил многих из них у себя на дому и в своем подмосковном имении, построил для них монастырь и организовал школу (Зеньковский 1995:105-106). Пользуясь своим значением при дворе, Ртищев заставлял некоторых из служащей московской молодежи ходить к киевским старцам учиться по-латыни и по-гречески (Ключевский 1957;3:279). Царь А. М., имея таких верных и авторитетных для него слуг, поддерживал их начинания.

### **3.7.3 Царский духовник С. Вонифатьев**

Представитель царского двора Стефан Вонифатьев известен тем, что с 1645 г. был царским духовником. Кроме этой должности Вонифатьев был настоятелем Благовещенского собора в Кремле. Он имел большое влияние на своего духовного сына А. М. Тот был с ним всегда откровенен, спрашивал советы по различным жизненным ситуациям. Вонифатьев оказывал влияние на царя, когда принималось решение о реформации РПЦ. Ведь, он имел в то время позицию руководителя церковной жизни

Московской Руси, был близок к движению церковных реформаторов, проводя их политику. Строгая, почти что пуританская мораль и социальность были наряду с возрождением Церкви основными побуждениями в деятельности царского духовника (Зеньковский 1995:107-108). Можно лишь добавить, что до событий раскола в Русской Церкви Стефан Вонифатьев не дожил.

### **3.8 Движение боголюбцев**

**Всею душою будем стремиться к красоте,  
подобной Богу (Максим Грек 1910;3:213-313)**

Русское церковное возрождение XVII в. проходило под символом гармонии религиозного развития. Церковная служба должна была не только перевоспитать русский народ, но сделать его достойным встречи того царства Святого Духа, осуществления которого они надеялись, как обещала легенда о Белом Клобуке (Зеньковский 1995:118). В этой части главы я обращаю внимание на некоторых представителей церковной реформации. Это протопоп Иван Неронов и протопоп Аввакум. Что было в содержании их движения возрождения, не является моей задачей. Но суть его: реформация в укладе РПЦ была необходима для сохранения истинности христианской веры. Тема красоты церковной, постоянно повторяемая Нероновым, Аввакумом, Ртищевым и самим царем, господствовала над церковным мышлением Московской Руси (Зеньковский 1995:115-116). Эта внутренняя красота, которую искали боголюбцы, вела их к той гармонии, о которой говорил святой преподобный Максим Грек (см. эпиграф к этой части главы). Но изменения, пришедшие в РПЦ с реформой Никона, не устраивали некоторых боголюбцев. Ф. Буслаев отмечал в своих лекциях, что основные причины *церковной смуты* в XVII в. крылись в отстранении ряда активных *ревнителей церковного благочестия* (И. Неронов, Ф. Иванов, А. Петров и др.) от участия в выработке церковно-государственной политики в период реформации (Буслаев 1906;80:172;83:199). Здесь спорили два разных мира, разно строившие понятия о должном и желательном в государственном и церковном быту, примирение их было вне исторической возможности (Пресняков 1990:126). Так, зародился раскол, отголоски которого слышны и в наше время.

### 3.8.1 Протопоп И. Неронов

Ивана Неронова называли вождем *боголюбцев*. Служение Церкви протопоп Неронов начал с должности провинциального священника. Но уже с первых проповедей, где Неронов указывал на искреннее и чистое отношение к церковным службам, он был встречен недоброжелательностью. Так, что если в *движении боголюбцев* кое-что и могло напоминать выступления Лютера и его последователей, то подобные параллели можно отметить в глубокой преданности вере и в желании поставить знание писания и житие добродетельное на более высокое место (Зеньковский 1995:133). Но все последовавшие события, связанные с проведением патриархом Никоном церковной реформы, оттолкнули протопопа Неронова от начатого дела возрождения Церкви. *У Неронова было предчувствие, что из реформ патриарха толку не будет. Но только разовьется церковная смута* (Зеньковский 1995:236). Несколько лет Неронов провел в различных ссылках далеко от Москвы. Но он непрестанно продолжал свою стезю в Церкви: его проповеди о церковно-общественной нравственности находили многих слушателей. В 1655 г. Неронов прибыл в Соловецкий монастырь на Белом море. Здесь уже можно сказать о том, что влияние его бесед с монахами не прошло даром: *Соловецкий монастырь стал в последующие годы одним из главных и наиболее упорных оплотов борьбы за старую веру* (Субботин 1875;1:137-141). Не будучи согласным со своей высылкой, Неронов все-таки вернулся в Москву, где продолжил свое сопротивление патриарху Никону. И в первый день Рождества 1655 г. он принял монашество, став старцем Григорием. Отлучение его от Церкви 18 мая 1656 г. было ответом Никона на переход Неронова к активному сопротивлению. Смерть царского духовника Вонифатьева сделала Неронова последним представителем когда-то мощного *боголюбческого движения* в Москве. В 1657 г. он пошел на примирение с Никоном. Вскоре патриарх на удивление всем снял с Неронова, старца Григория, отлучение и запрещение служить, но даже позволил ему служить по старому Служебнику! (Субботин 1875;1:156). Но в конце своей жизни Неронов отошел от активного противостояния нововведениям в РПЦ.

### 3.8.2 Протопоп Аввакум

Жизнь Аввакума Петрова (1620, 21?-1682) не была простой, исходя из индивидуальных черт его характера и особенного отношения к вере. Родом он происходил из Нижегородской губернии на Волге; и что интересно: патриарх Никон был его земляком. Служению Церкви Аввакум посвятил свою жизнь вполне осознанно: сам он происходил из церковной семьи. В 1652 г. Аввакум получил назначение протопопом в город Юрьевец Поволжский. Особое отношение протопопа к Церкви, настойчивость в проповедях послужили тому, что у него появились сложности с паствой, и протопоп уехал в Москву. В столице Аввакум был назначен священником Казанского собора. В Москве Аввакум вошел в число членов *кружка ревнителей благочестия (боголюбцы)*, который поддерживал духовный отец царя С. Вонифатьев. Все члены кружка старались поднять нравственность духовенства и мирян и прекратить пьянство, а также ввели в своих приходах *единогласие*, упорядочение церковной службы. В 1653 г. новоизбранный патриарх Никон объявил о церковной реформе, с чем кружок боголюбцев был не согласен. Власти прореагировали на это арестом Аввакума и содержанием его в Андроньевом монастыре. Но затем протопопа с семьей выслали в Сибирь: в г. Тобольск, позже в 1656 г. в Даурию (Булыгин 1970:49-50). Несгибаемая сила воли Аввакума давала ему много энергии продолжать начатую борьбу против нововведений в Церкви. Но нельзя также сказать о том, что Аввакум проявлял христианское снисхождение по отношению к врагам своим. Наоборот, он так обращался в *Книге толкований и нравоучений* к царю А. М. : *Перестань-ко ты нас мучить-тово! Возми еретиков-тех, погубивших душу твою, и пережги их, скверных собак, латынников и жидов, а нас распусти, природных своих* (Аввакум 1927;39:467). Или пожелания патриарху: *Как бы добрый Царь, повесил бы ево [Никона] на высокое древо* (Аввакум 1927;39:58). Но царь А. М. предпринял попытку примирить Аввакума с официальной Церковью и в 1663 г. вызвал его в Москву, где оказал протопопу честь, приказав поселить в кремлевском Новодевичьем монастыре. Аввакум же не хотел никаких компромиссов, желая сохранения старых правил в церковной службе. Тем самым он привлек к себе многих единомышленников. 29 августа 1664 г. протопоп был выслан в очередную ссылку, но уже в северный край русского государства, в Мезень. В 1666 г. протопопа вызвали в столицу на свершение над ним особого ритуала: преданию анафеме на суде вселенских патриархов. Окончательное решение о высылке



Аввакума из столицы было приведено в исполнение в 1667 г., когда его поселили в пустозерском остроге в земляном срубе (Булыгин 1970:49-50). Аввакум провел в северном Печорском крае, находившемся в устье реки Печоры вблизи Ледовитого океана, последние пятнадцать лет своей жизни. 14 апреля 1682 г. протопоп вместе с иноком Соловецкого монастыря Епифанием, дьяконом Благовещенского собора московского Кремля Федором Ивановым и священником Лазарем были преданы казни сожжением, согласно указу царя Федора Алексеевича *за великия на царский дом хулы* (Гудзий 1934:26). Здесь приводится характеристика, которая дана протопопу Аввакуму в словаре издательства Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (XIX в.):

Аввакумъ Петровичъ, протопопъ г. Юрьевца-Поволожскаго, — расколоучитель XVII ст. <...> Происходившій изъ бѣдной семьи, довольно начитанный, угрюмаго и строгаго нрава, А. пріобрѣлъ извѣстность довольно рано какъ ревнитель православія (Андреевский 1890:53).

### 3.9 Патриарх Никон

Патриарх Никон (1605-1681), мирское имя Никита Минов, происходил из Нижегородского края. По обстоятельствам жизни он рано вступил в монашество, закалил себя суровым искусом пустынножительства в северных монастырях. Способностью влиять на людей Никон приобрел доверие царя (Ключевский 1957;3:279). В 1649 г. царь А. М. назначил Никона митрополитом новгородской митрополии, которая по значению была следующей после московской. А уже в 1652 г. Никон был избран патриархом РПЦ. Главное, что отличило Никона от предшествующих патриархов: он провел известную реформу РПЦ. Немалую роль сыграл патриарх и в деле воссоединения с Малой Русью (Украиной). Богдан Хмельницкий (гетман Войска Запорожского) писал патриарху Никону, прося его поддержать просьбы Украины об объединении с Москвой (Зеньковский 1995:198-200). Царскому двору был нужен такой патриарх, который смог бы сделать реформирование РПЦ и завершить начатое ими дело усиления Москвы. Церковная реформа, которую Никон проводил, несла в себе многие изменения в устое Церкви. Особенно он уделил внимание на устранение различий в церковной практике между Церквями Руси и Греции: сделать единообразие церковных служб, заменить церковную литературу. Но он сделал также одно из тех изменений в церковной службе, о котором мечтали все члены кружка боголюбцев: ввел *единогласие*. Ранее одновременное чтение

богослужбных текстов при проведении службы проводилось несколькими представителями Церкви, т. е. *многогласно*. Это было единственное изменение в устое РПЦ, с которым у патриарха Никона не было противоречий с противниками реформы.

Никон был человеком с волевым характером, его отличала особая настойчивость, которую он проявлял при достижении поставленных перед собой целей. Царь, видя в нем поддержку во многих вопросах, называл его *собинным другом*. Пресняков пишет об условии, которое патриарх Никон поставил перед царем, иерархами и боярами: *Послушати его во всем, яко начальника и пастыря, и отца крайнейшаго, елико он возвещать будет о догматах Божиих и о правилах*, — и все во главе с царем дали ему обещание (Пресняков 1990:120). Греческий архидиакон, сын Антиохийского патриарха Макария, Павел Алеппский часто посещал Москву и оставил свои интересные заметки. Он пишет, что бояре осознавали: все меньше будет места для их своеволия и влияния на государственное управление. Во время отъезда царя на войну патриарх был оставлен регентом и кормчим государству (Павел А. 1860;15/3:109). Природный и ясный ум Никона, высокое мнение о роли Церкви в государстве, совпадающие со взглядами духовника Вонифатьева, произвели сильное впечатление на молодого царя. Главным качеством Никона была сильная, стремившаяся всего добиться, воля (Зеньковский 1995:110). Историк Соловьев проанализировал факт участия греческих патриархов при проведении церковной реформы. Он отметил, что патриарх Никон не нарушает церковную иерархию, исходящую из Константинопольской Церкви. В самой идее Руси Москва — третий Рим Никон видит Московский Патриархат хранителем *Вселенского православия* и восстает не только против заместительства *престола древнего Рима*, но даже против самостоятельного принятия ответственных решений (Соловьев 1993;11:327). Но затеянная реформа несла в себе изменение ритуалов в Русской Церкви. Все это вызвало волну протеста у некоторой части населения, как простых людей, так и боярского звания. Так, немалую роль в ухудшении взаимоотношений между царем и патриархом сыграла враждебная позиция бояр. 10 июля 1658 г. Никон провел свою последнюю литургию в Успенском соборе Кремля и покинул столицу. Патриарх решил уединиться в Воскресенском монастыре, который был построен под его руководством. Отказавшись от власти, Никон не отказался от титула патриарха. В декабре 1664 г. он попытался все-таки не оставлять Церковь и вернуться в Москву, хотя это ему и не удалось. В РПЦ создавалось совершенно неясное положение, было непонятно каноническое положение Никона. Патриарх не принимал участия в

управлении Церковью. И только на Соборе в 1667 г. Никон был официально низложен, а новый патриарх был выбран (Зеньковский 1995:243). Никона лишили патриаршего сана, но это не помешало проведению реформы. Церковный Собор 1666-1667 гг. осудил всех противников реформы, которые считали своим главой и идейным вдохновителем протопопа Аввакума. Лозунгом старообрядцев был возврат к *старине*, к тому устою Церкви, который существовал на Руси и был сохранен в Смутное Время. Формы, в которых выражалось движение старообрядцев, включали вооруженную борьбу с правительством (Соловецкое восстание 1668-1676 гг.), отшельничество и массовые саможжения (Шумилов 2000:294). Здесь имеется в виду восстание Соловецкого монастыря, на подавление которого было брошено царское войско. В 1681 г. Никон получает разрешение от нового царя Федора вернуться в московские края. Но по дороге патриарх Никон умер. В истории РПЦ Никон остался ее патриархом-реформатором. Нельзя однозначно говорить о том, что Никон полностью изменил свои давние традиции и понятия по отношению к русскому православию в период своего властвования. По-своему духу и убеждениям патриарх был человеком старомосковской Руси. Его образованность была традиционной для XVII в. (Лобачев 2003:236).

### **3.10 Боярыня Ф. Морозова**

Боярыня Феодосия Прокофьевна Морозова (1632-1675) была яркой выразительной сторонницей приверженца старых правил протопопа Аввакума. На титульном листе работы я поместила репродукцию картины В. Сурикова *Боярыня Морозова*. То, что видим на картине, произошло 17 или 18 ноября 1671 г. в Москве. Боярыню посадили на дровни и повезли в заточение: на картине сани поравнялись с Чудовым монастырем, находившемся в Кремле. Суриковская боярыня Морозова подняла вверх руку со старообрядческим двуперстием. Суриков и показал этот символизм красками, чтобы подтвердить внутреннее состояние Морозовой как сторонницы старого обряда, противостоящей новым веяниям в Русской Церкви и жизни.

Морозова была дочерью царского боярина П. Соковнина, близкого родственника царицы Марии Милославской. Кроме того, она была женой Глеба Морозова, который приходился братом Борису Морозову — царскому воспитателю. Боярыня занимала высокое место при царском дворе. Она могла себе позволить в течение долгих лет

занимать независимое положение, и ее дом стал пристанищем сторонников старой веры. В нем находили приют и покровительство юродивые и вожди традиционалистов. Здесь же поселился и протопоп Аввакум, который вернулся в 1664 г. из сибирской ссылки. Боярыня и ее сестра княгиня Евдокия Урусова стали духовными дочерьми протопопа Аввакума (Зеньковский 1995:267-269). На картине Сурикова можно увидеть и княгиню Е. Урусову, стоящую возле саней своей сестры — боярыни Ф. Морозовой. Случайно сохранившиеся *письма-грамотки* Ф. Морозовой, адресованные Аввакуму и его семье, дополняют ее облик реальными, земными чертами. Здесь традиции эпистолярной прозы XVII в. Публикуемые письма были найдены в 1911 г. при разборе полуистлевших бумаг Тайного Приказа (личной канцелярии царя А. М.) и тогда же изданы Я. Л. Барсковым в Санкт-Петербурге в 1912 г. под названием — *Памятники первых лет русского старообрядчества*. Все написанные письма Морозовой до ее ареста, датированы 1669 г., адресованы в Пустозерск протопопу Аввакуму или его семье на Мезень (Демкова 1991:82). В качестве примера я приведу одно из писем боярыни Аввакуму. Морозова просит благословение на женитьбу своего единственного сына и сохранении его вне влияния никонианского мира.

***Протопопу Аввакуму***

Помолися, чадолюбивый, милосердый мой отец, чтобы мне Владыко дал терпение, и в покаянии бы меня застал, и сына бы моего в христианстве застал и в покаянии. Молю и прошу со слезами у тебя, батюшко, попроси у Владыки о моем сыне и подай благословение то, какое ему годно (ПЛДР 1988;1:580-586).

Царя беспокоило сопротивление старообрядцев, особенно родственницы своей жены — Морозовой. Он долго не мог предпринять жестких мер по отношению к ней: отбирал у нее вотчины, а потом все возвращал. Но все круто переменялось после ее тайного пострига: Морозова стала инокиней Феодорой. Народ же воспринимал борьбу царя и боярыни как духовный поединок. Его приказание уморить Морозову голодом в яме Боровского монастыря поражает жестокостью. Царь обрек боярыню Морозову и ее сестру княгиню Урусову на долгую смерть. Их держали под стражей, пока они были живы. Боярыня была под стражей и после смерти, которая положила конец ее страданиям в ночь с 1 на 2 ноября 1675 г. (Демкова 1991:14). Старообрядческое движение почитает протопопа Аввакума и боярыню Морозову.

## 3.11 Старообрядчество в России

В чем заключалось убеждение старообрядцев-раскольников в своей правоте? Здесь уместно привести слова А. Карташева, приведенные им в *Старообрядческом церковно-общественном журнале*, что на мировоззрении старообрядчества сказалась свойственная русскому православию убежденность в значимости обряда наравне с догматом веры (Карташев 1992;2:20). Я приведу пример из жизни современного общества, а затем перейду к явлению старообрядчества в России. Почему я решила изменить движение времени с прошлого на настоящее? Так, я думаю, будет более наглядное представление о негативном воздействии раскола. Ведь, когда видишь конец, то есть возможность анализа ошибок в отрезке времени, ведущем к нему.

### 3.11.1 Таежный тупик

*Таежный тупик*, так называется документальная повесть журналиста В. Пескова, которая была опубликована в 1982 г. Это рассказ о жизни семьи староверов Лыковых, проживших в Сибири в изоляции от людей более тридцати лет. Религиозная вера, ставшая причиной жизненного тупика, служила им опорой в исключительных обстоятельствах. Песков решил открыть тайну этой семьи, показать ее драму. Это была сенсация, ведь, староверы Лыковы совершенно были оторваны от общества, живя натуральным хозяйством. Как они жили все это время? Огонь добывают кресалом... Летом босые, зимой — обувка из бересты. Жили без соли. Не знают настоящего хлеба. Язык не утратили, но понимаешь с трудом. Причина отшельничества — религиозная. События жизни недавней были им неизвестны. Электричество, спутники — за гранью их понимания. Драма Лыковых уходит корнями в народную драму трехвековой давности, название которой раскол (Песков 2001:1-12). Песков привез в Москву своим друзьям кусок хлеба староверов. Пекли его из сушеной картошки с добавлением нескольких горстей ржи и семян конопли.

### 3.11.2 Из истории старообрядчества

Реформация в РПЦ в XVII в. не могла пройти без каких-либо коллизий. Ведь, уход был не только от церковных устоев русского православия, но и от традиционных обрядов древней Руси: в результате чего общество расколосось. Старообрядцы, покидавшие свои родные места, разбрелись по самым отдаленным весям. Многие подались в Сибирь и дальше, а некоторые эмигрировали в другие страны. Но в лагере старообрядцев одновременно началось размежевание: образовались различные течения с разными толками. Так, старообрядцы-традиционалисты начали бороться с проповедью самосжигания: они признавали только нормальную церковную жизнь. Таким образом, произошло внутреннее разделение раскольников на поповские и беспоповские общины (по причине трудности привлечения священников), хотя и в этих группировках возникли потом новые ответвления. Так, до революции 1917 г. насчитывалось уже шесть основных образований старообрядцев (Шемякин 2006:98-108). Сам термин *старообрядчество* в общественно-правовой практике был официально введен в начале XX в. указом Николая II от 17 апреля 1905 г. *Об укреплении начал веротерпимости*, в котором говорилось: *Присвоить именование старообрядцев, взамен ныне употребляемого названия раскольников, всем последователям толков и согласий, которые приемлют основные догматы Церкви Православной, но не признают некоторых принятых Ею обрядов* (Шмидт 2004). В 1971 г. Собор РПЦ снял наложенные Собором 1666-1667 гг. клятвы на старообрядчество. Другое движение христовщина (позднее: хлыстовщина) возникло независимо от старообрядчества и отошло от Церкви еще до проведения реформ патриархом Никоном. Но укрепление его позиций произошло во время зарождения раскола, когда целостность Русской Церкви была нарушена, и, естественно, надзор с ее стороны был сведен к нулю. Что представляло собой это ответвление от официальной Церкви? Это была секта неправославного типа (Зеньковский 1995:480-484). Возможно, что появление этого образования могло также повлиять на то, что некоторые идеи патриарха Никона зародились с целью восстановления единства Церкви и ее гармонии. События 1664 г. показали, что царь и Церковь теряли контроль над массами русских верующих людей. Аввакум и его единомышленники, несмотря на все уговоры властей, не покладая рук вели пропаганду в Москве и почти что во всех областях России. После ссылки протопопа Аввакума в Пустозерск, этот маленький поселок на краю северной

РАСКОЛ В РУССКОЙ ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВЕ В ЛИТЕРАТУРНОМ ОТРАЖЕНИИ: - 30 -  
РОМАН Владимира Личутина *РАСКОЛ*

тундры стал идеологическим центром борьбы за старый обряд. Так, если Соловки (монастырь) вдохновляли старообрядцев своим примером бесстрашного вооруженного сопротивления, то Пустозерск снабжал Россию идеологическими писаниями, которые поддерживали веру и надежды всех тех, кто не хотел и не мог отказаться от старой русской церковной традиции (Зеньковский 1995:277-393). Но какова была позиция государства и Церкви по отношению к старообрядцам? Царь А. М. пытался разными средствами освободиться от них. При императоре Петре Великом произошло усиление преследования старообрядцев. Русская Церковь являлась тогда государственно-гражданским институтом, в ведении которого находились вопросы регистрации актов гражданского состояния, просвещения, цензуры и пропаганды. Она неизбежно должна была решать конфликтные социально-политические ситуации, включая и связанные с антигосударственными движениями раскольников (Шмидт 2004). Но Екатерина Великая и ее сын император Павел предприняли некоторое ослабление, которое продолжил Александр Первый. В конце концов это непонимание помогло сокрушить как и императорскую Россию, так и те крепкие слои средних и низших классов, которые в течение двух с половиной столетий, от 1667-го до 1917-го (время прихода к власти коммунистов), сумели сохранить преданность той когда-то *святой русской земле, которая православием всех одоле*. Социальные и политические мотивы, экономическое недовольство, недоверие к церковному и государственному руководству, озлобление против бояр и дворян, отталкивание от новых культурных веяний сыграли большую роль в росте и развитии старообрядческого раскола. Выходя из эпохи средневековой политики, культуры и технологии, Московская Русь выходила также из эпохи средневековой веры и средневековых отношений между Церковью и государством (Зеньковский 1995:485-496). Таким выводом я и хотела бы закончить главу об истории раскола.

# ГЛАВА 4

## ТЕМА РЕЛИГИОЗНОГО РАСКОЛА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В этой главе я рассматриваю творчество писателей, отобразивших в своих произведениях тему раскола XVII в. и старообрядчества в России. Чтобы дать представление, как эти вопросы рассматривались ранее в литературе, я выбрала двух авторов: протопопа Аввакума и Николая Лескова. Аввакум Петров является непосредственным участником этих исторических событий XVII в., Н. Лесков писал свои произведения уже двести лет спустя.

### 4.1 Протопоп Аввакум

Протопоп Аввакум написал автобиографическое произведение *Житие протопопа Аввакума им самим написанное*. Он был непримиримым противником церковной реформы и до конца жизни отстаивал свою точку зрения. Произведение *Житие Аввакума* и написал, считая изменения в церковной и общественной жизни в русском государстве крайне неприемлемым явлением. Протопоп Аввакум был личностью незаурядной. Он, несомненно, внес особый вклад в становление русской литературы послесредневекового периода. До него практически никто не писал подобное на Руси. Как я уже писала, протопоп со своими последователями был жестоко наказан за свое противостояние властям. Но не смирясь со своей участью, он оставил новым поколениям произведение-автобиографию, которое явило новый вид жанра на Руси.

Автобиографическое произведение *Житие протопопа Аввакума им самим написанное* (1672-1675) имеет в настоящее время четыре редакции, три из них являются авторскими. Аввакум неоднократно переписывал и обновлял некоторые моменты *Жития*, которое также переписывалось другими людьми: в результате помимо самих оригинальных версий *Жития* существует и много вариантов списков всех трех редакций-подлинников. Самая первая редакция была обнаружена В. И. Малышевым в Прянишниковском списке XIX в. Сейчас насчитывается около 20 списков первой редакции, 23 списка второй редакции, 7 списков третьей редакции. Первая публикация



*Жития* была в журнале *Летописи русской литературы и древности* в 1861 г., которую подготовил Н. С. Тихонравов (Стаخورский 1998:183). Протопоп Аввакум получил благословение на написание произведения у своего духовного отца, старца Епифания — монаха Соловецкого монастыря.

По благословию отца моего старца Епифания писано моею рукою грешного протопопа Аввакума, и если что сказано просто, то вы, Господа ради, читающие и слышащие, не осуждайте просторечие наше, поскольку люблю свой русский природный язык, стихами философскими не привык речи украшать, потому что не слова красивые Бог слушает, но дела наши хочет видеть (Аввакум 1994:532).

Произведение *Житие протопопа Аввакума*, подробный анализ которого не является моей целью, выявляет личностные противоречия, которые испытывал сам автор: его религиозность и одновременно недовольство новой Церковью. Все это отразилось в повествовании *Жития*, оно довольно сложное: то Аввакум является сторонним наблюдателем, то героем повествования, отсюда и неоднородность композиции. Агиографический жанр *Жития*, который использовал Аввакум, был известен и до него, как основной при написании житий различных святых. Но если ранее в средневековой литературе какой-либо автор описывал жизнь святого, то протопоп Аввакум писал *Житие* о самом себе. Он сам является и автором, и героем повествования, а это было уже новаторством Аввакума. При написании произведения автор скурпулезно описывает различные детали и действия. Язык повествования перемежается с простонародного (автор умело вводит в речь пословицы и поговорки) на церковно-славянский — язык написания церковных книг. Протопоп приводит в тексте много библейских фраз в качестве назидания (проповеди). Украшает повествование *Жития Аввакума* метафоричность, взятая из народной жизни. *Житие* можно считать схожим с произведениями древнерусской литературы, но на более высокой ступени. В нем уже проглядываются признаки романа: наличие в повествовании не только церковных и общественных, но и личных проблем героя. Это было новшество в русской литературе того времени. Эти взгляды на произведение протопопа Аввакума высказывали в своих анализах *Жития* такие литературоведы, как Д. С. Лихачев, Н. К. Гудзия, В. Е. Гусев, Н. С. Демкова, В. И. Малышев и другие. В. Гусев в своей работе *Заметки о стиле Жития протопопа Аввакума* приходит к такому выводу, что жанр этого произведения не может определиться однозначно. В *Житии* переплетено много различных жанров древнерусской литературы. Аввакум прибегает и к проповеди, и поучению, и к устному народному сказанию. Поэтому сложно однозначно определить для этого произведения какой-то известный термин. В *Житии* с его необычайным лиризмом и

драматизмом наблюдается тенденция к появлению абсолютно нового жанра, который определился в более поздние сроки в русской литературе (Гусев 1960:200). *Житие протопопа Аввакума*, несмотря на существующие разногласия между официальной Церковью и течением староверчества в России, имело большую популярность у писателей, таких как: И. С. Тургенев, Н. С. Лесков, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. Печерский (псевдоним П. И. Мельникова), Д. Л. Мордовцева, А. Алтаева (псевдоним М. В. Ямшиковой), М. А. Волошина, В. А. Бахревский. Кроме *Жития* протопоп Аввакум написал много других довольно интересных работ, всего насчитывается около 80 сочинительских трудов (Глинин 1994:531). Многие из них также были написаны в годы его заточения в Пустозерске. В своей работе я решила также сделать небольшое ознакомление с основными сочинениями Аввакума. Данные об этих других работах протопопа были взяты из издания Н. Гудзия *Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения*, в котором заслуживает внимание статья *Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление* (Гудзий 1934:197-370). Автор сделал выборку сочинений протопопа Аввакума, привел интересные данные по каждому их варианту.

- ***Книга бесед (1675)***

Всего насчитывается десять бесед на различные темы: *Об иконном писании, О внешней мудрости, О старолюбцах и новолюбцах, Об Аврааме* и др. Эта *Книга* была полностью написана во время нахождения Аввакума в пустозерской ссылке

- ***Книга толкований (1673-1676)***

В ней автор приводит толкования и свои понимания основных церковных книг: *Псалтири, Притчей, Премудрости Соломона*. Временем написания этой *Книги* является также время нахождения Аввакума в г. Пустозерске

- ***Книга всем нашим горемыкам миленьким***

*Книга* написана во время пустозерского заточения

- ***Послание к верным***

Временем написания считаются две даты: 1673 г. и 1678 г. — в зависимости от редакций этого сочинения, которых существует две

- ***Послание к рабам Бога вышнего***

Написано предположительно в 1681 г., то есть перед смертью Аввакума

- ***Челобитные царю Алексею Михайловичу***

Всего было написано Аввакумом пять таких *челобитных*. После возвращения из сибирской ссылки в 1664 г. он подал царю А. М. свою первую *челобитную*

- ***Челобитная царю Федору Алексеевичу (1676)***

Всего была подана одна *челобитная* во время нахождения автора в пустозерской ссылке — новому царю Федору Алексеевичу, сыну А. М. После чего за критику царской власти Аввакум со своими тремя сторонниками был уничтожен физически

- **Письмо к боярыне Ф. П. Морозовой и княгине Е. П. Урусовой (1672)**

Написал его протопоп Аввакум, находясь в пустозерской ссылке

- **Письма к Ф. П. Морозовой, кн. Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой (1671-1672)**

Сохранилось только два письма, направленных всем трем адресатам, во время нахождения их под стражей

- **Письма к боярыне Ф. П. Морозовой**

Первое письмо сохранилось в автографе, написано из Пустозерска в 1669 г.; второе сохранилось в списках. Аввакум написал его предположительно в 1670 г. из Пустозерска

- **Письмо к «отцам поморским»**

Время написания этого письма остается неизвестно, также нет сведений об этих поморах

- **Письма к семье**

Всего сохранилось три письма протопопа к своей семье. Первое письмо является оригиналом и было им отправлено из своего заточения в Пустозерске, предположительно в 1669 г.

Особенную историко-культурную ценность из эпистолярной прозы Аввакума представляют его письма, по которым можно проследивать цепочки различных исторических событий. Я привожу единственное его письмо к своим духовным дочерям — боярыне Ф. П. Морозовой и ее сестре княгине Е. П. Урусовой. Протопоп гордился своими духовными дочерьми: их мужеством в отстаивании своей веры и стойкостью к различным испытаниям, которым они подвергались в заточении. Аввакум получал различные сведения со свободы через стрельцов, охранявших его. Это письмо датируется 1672 г., Аввакум уже знал, что обе сестры заключены под стражу. Знал он также и о смерти единственного сына боярыни Морозовой. Письмо приводится в переводе на современный русский язык Н. Демковой.

О, светила великие, солнце и луна Русския земли, Феодосия и Евдокея! И чада ваша, яко звезды, сияющие пред Господем Богом! О, две зари, освещающие весь мир на поднебесней! <...> Вы похвала мученикам и радость праведным и святителям веселие!

Вы ангелам собеседницы и всем святым сопричастницы и преподобным украшение!

Вы и моей дряхлости жезл, и подпора, и крепость, и утверждение! (Аввакум 1991:115).

Все его работы являли собой борьбу против реформ в Русской Церкви. Это было не изложение событий, но настоящая полемика, что стало нововведением. Написав свое автобиографическое повествование *Житие*, Аввакум впервые в русской литературе соединил личность автора с героем повествования.

## 4.2 Н. Лесков

Тему раскольников в своих произведениях затронул и Николай Лесков (1831-1895). Он написал несколько публицистических статей о староверах, в которых излагал свои

мысли об этом существующем явлении в России — церковном расколе в обществе. Писатель работал в Министерстве просвещения, поэтому его основным интересом было образование детей староверов, не имеющих официальных школ. И вот уже в итоговом цикле *Искание школ старообрядцами*, состоящем из 4-х статей и напечатанном в газете *Биржевые ведомости* в 1869 г., Лесков говорил о праве старообрядцев с остальным обществом, чтобы они влились в него, т.к. писатель не считал их изгоями. В 1873 г. в журнале *Русский вестник* вышел его *Запечатленный ангел*. События, описанные в этой повести, не являются достоверными, на что сам Лесков указал позднее в очерке *Печерские антики*. Писатель и не стремился документально подтверждать какие-то эпизоды из жизни староверов, он понимал: все, что присуще одной староверческой общине людей — равнозначно имеет место у других таких же общин.

Когда в *Русском вестнике* М. Н. Каткова был напечатан мой рассказ *Запечатленный ангел*, то в некоторых периодических изданиях <...> было сказано, что — в нем передано событие, случившееся при постройке киевского моста. <...> В рассказе идет дело об иконе, которую чиновники запечатлели <...>. Местность в *Запечатленном ангеле*, как и во многих моих рассказах, действительно похожа на Киев, — что объясняется моими привычками к киевским картинам, но *такого происшествия*, какое передано в рассказе, в *Киеве никогда не происходило* (Лесков 1973;4:167).

Старообрядцы в повести у Лескова — яркие представители своего движения. Это были грамотные люди, в их артели был только один неграмотный человек — Марой. Отличались они от остальных работников хорошей дисциплиной, честностью, трудолюбием. Потеряв свое самое главное сокровище — икону, которая вела их по жизни, старообрядцы утратили весь смысл жизни. Лесков пишет о них с большим сочувствием, уважением и пониманием, считая, что гонения на них неоправданны.

Принесите нам сюда *запечатленного ангела*, мы ему молебствовать хотим, и один он нас исцелит (Лесков 1973;2:347).

По окончании операции спасения своей иконы, часть староверов перешла в официальную Церковь. Преследования со стороны государства, невозможность нормального проживания среди своих же граждан — было главным мотивом у Лескова, когда он решил закончить свою повесть совсем необычно. Конечно, это не является их шагом спасения, потому что остальная часть раскольников никогда не примирится с тем, что произошло с Русской Церковью в XVII веке, а будет продолжать оставаться в душе раскольниками.

## ГЛАВА 5

# АНАЛИЗ РОМАНА-ТРИЛОГИИ РАСКОЛ

К главному детищу писателя — протяженной, многофигурной и многомудрой исторической эпопее *Раскол*  
(Юрий Архипов, Советская Россия, 2005)

В 5-ой главе — анализ романа-трилогии *Раскол*, в котором я сделаю реферат краткого содержания, рассмотрю тему *раскола* в Русской Церкви и обществе в XVII в. В разделе главы 5.1 я исследую историю создания трилогии: в чем по мнению Личутина суть происшедшего раскола? В разделе 5.3 я уделю внимание композиции произведения: как возникла идея написания романа, и каким образом писатель отражает исторические события в нем? на чьей стороне его авторская симпатия? Следующий раздел главы 5.4 я выделяю для анализа художественных особенностей языка романа, где рассмотрю стилистические функции слов и словосочетаний в тексте. А также: каким образом язык выступает как форма раскрытия характеров героев? В последующих разделах проанализирую: ход исторического развития Московской Руси в романе, роль персонажей в религиозном и общественном расколе. И в заключительной главе работы — значение исторического романа *Раскол*.

### 5.1 История создания романа-трилогии

Первая книга трилогии В. Личутина *Раскол* появилась в 90-е годы прошлого века, так называемую перестроечную эпоху. Период с 1985 г., прихода к власти М. Горбачева, был начальным этапом перехода страны от социализма к капитализму. Кроме того, это время многих раздумий, размышлений и извлечения выводов. В литературе этого периода появилось много обновления, раскрепощения и открытости. На смену произведениям социалистического реализма пришла *новая литература*, в печать вышли запрещенные ранее издания. Но интерес к историческим темам в литературе в это время эйфории и надежд не только не угас, а еще более разгорелся. Тема раскола в Русской Церкви и обществе, заинтересовавшая Личутина, оказалась актуальной; по его мнению: *раскол всегда не случаен* (Нарыкова 2007:29.06). Меня заинтересовал вопрос: *в чем суть раскола?* На что писатель ответил на интервью: *у Руси был свой путь — в*

этом суть. Нельзя заменять свою коренную жизнь чужой, перекраивать основы сложившегося уклада. Стокнули русскую повозку в ров пропасти, из которой потихонечку выбираемся. Реформы принесли нам несчастья тогда в XVII в. Так, в те годы перестройки общества пришел писатель В. Личутин к мысли написания исторического романа о большой национальной драме, которая произошла в XVII в. Роман писался долгое время, более тринадцати лет. Подготовка к написанию на тему раскола в Церкви, к которой в русской литературе в таком масштабе никто не прикасался, проводилась весьма тщательно и скрупулезно. Автору было необходимо изучить множество исторических документов и справок, сопоставить и упорядочить архивный материал. Как упоминал он сам: *У меня было более полутора тысяч конспектов записей, когда я понял, что готов приступить к написанию романа. Я также использовал свои воспоминания из детства, разговоров старых людей. Церковные обряды, молитвы, инструментарий мне было сложнее описать. Поэтому я специально прожил месяц в Печорском монастыре, чтобы прочувствовать атмосферу и уклад церковной жизни* (Нарыкова 2007:29.06). Названия книгам, данные автором, весьма символичны: здесь прослеживается взаимосвязь с этапами человеческой жизни.

1. *Венчание на царство. Все мы рождаемся на царство, все мы думаем, что будем царями, жить вечно и царевать*
2. *Крестный путь. Каждый человек в своей жизни его проходит*
3. *Вознесение – это итог всего сущего на земле. Много зависит от того, как человек встретит конец пути, потому что все умирают* (Нарыкова 2007:29.06).

Впервые *Раскол* был напечатан в журнале *Наши современники* (публикации начались с 1989 г.); с 1994 г. по 1998 г. он вышел в *Роман-газете*, публикацией которого я и воспользовалась; в 2000 г. появился трехтомник — полное сочинение произведения. Хочу сказать, что первый том романа вначале был выпущен отдельной книгой. Так, например, в библиотеке Бергенского университета имеется такое издание *Раскола*, которое включает только первый том романа.

## 5.2 Краткое содержание

События романа *Раскол* произошли в XVII в., время царствования А. М. Исходя из того, что действие разворачивается в трех книгах, я решила сделать краткий реферат трилогии. Повествование в романе, как я отмечала ранее, перемежается различным

документальным материалом, а наличие большого числа эпизодов делают его насыщенным. Поэтому я расскажу только об основных персонажах. Это будет своего рода продолжение их представления, начатого в главе об истории раскола, но теперь они — действующие герои трилогии В. Личутина *Раскол*.

События экспозиции *Росстань* переносят читателя в северный край Московской Руси, на берег Белого моря. Иеромонах Никон, будущий патриарх, пробыл с Анзера в Кожеозерский монастырь. Но, оказавшись в сильнейшей буре на море, Никон стал тонуть. Спас его подросток, сын владельца судна — Минейко Ванюков, который пообещал Господу стать юродивым, если все они останутся живы. Мальчик выполнил потом свое обещание и ушел из родительского дома, сменив свое имя на Федора. Путь Никона к патриаршеству и управление паствой Московской Руси, когда им была введена известная церковная реформа, составляет основную часть эпизодов всех трех книг романа. Все основные события реформации Русской Церкви проходили в Москве. Резиденция патриарха — Патриарший дворец, который построили для Никона с учетом его вкусов и пожеланий, находился в московском Кремле. Здесь проходили его встречи с царем А. М., здесь же, в Крестовой палате, долго сидели у него греческие церковные иерархи. Из своих покоев дворца патриарх направлялся напрямик в Успенский собор Кремля, где служил литургии. На берегу реки Истры патриарх Никон начал строить русскую Палестину — Воскресенский монастырь, в котором стал проводить многие дни. Сюда царь посылал своих гонцов, когда патриарх долго не появлялся в столице. Монастырь стал для Никона местом пребывания, его убежищем, когда он покинул Москву. Сюда же послали за Никоном, чтобы на великом Соборе в Москве вершить суд и лишить его звания патриарха. Никону надели простой греческий клобук, и он стал монахом. В день его выезда из столицы царь прислал ему шубу в дорогу и серебро, но дары приняты не были. Никон ничего не ответил, когда царь попросил благословение себе и семейству. И отправили Никона в ссылку в Ферапонтов монастырь на Белоозеро, а в 1676 г. перевели в Кириллов монастырь. Но все круто повернулось при новом царе Федоре Алексеевиче. Тот стал достраивать Воскресенский монастырь на Истре и предложил Никону вернуться назад. Старого патриарха решили везти водным путем, а когда провозили по Волге, то люди бежали по воде и плакали, прося у него благословения. Но так Никона и не довели до Москвы, 17 августа 1681 г. в Ярославле он умер. Его похоронили в Воскресенском монастыре,

поминая патриархом. Через год в Москву была привезена разрешительная соборная грамота из Греции, по которой Никон восстанавливался в патриаршьем достоинстве.

Царя окружали близкие ему люди: духовный отец Стефан Вонифатьев, боярин Борис Морозов и боярин Федор Ртищев. А. М. вел свою обычную царскую жизнь, большим его увлечением была охота с боевыми птицами — соколами. Одним из царских сокольников был Любим Ванюков из Мезени, младший брат юродивого Федора, спасшего жизнь патриарха Никона. Оказавшись в осаде Соловецкого монастыря царским войском (знаменитое *Соловецкое сидение*), государев стрелянный Любимко стал монастырским пленником. В конце романа он с семьей и соловецкими монахами отправился в Сибирь на поселение старообрядцев, где они срубили острог Беловодье.

Члены кружка — *боголюбцы*, протопопы Аввакум и И. Неронов, стали в оппозицию к церковной реформе, за что были высланы в далекие ссылки. Я не буду последовательно освещать их нелегкий путь на этом поприще, но некоторые моменты в романе весьма интересны. Так, Неронов, сбежав из Кандалакшского монастыря (Карелия), пробрался в Соловецкую обитель на Белом море и далее в Москву. В столице он скрывался в келье царского духовника Вонифатьева. Никон же созвал Собор 18 мая 1656 г., на котором наложили на протопопа Неронова, будущего старца Григория, церковное отлучение. Но на всенощной в кремлевском соборе, в присутствии патриарха Никона, царь подошел к старцу и выразил свою и царицину любовь к нему: *Не удайся от нас, старец Григорий, не чурайся и не бегай. Мы тебя с матушкой любим* (1995;2:60). Патриарх Никон снял потом со старца Григория отлучение и дал ему полную свободу в выборе церковной литературы. Протопоп Аввакум также претерпел много испытаний: за свое противостояние церковной реформе он провел много лет в Сибири и Печорском крае. Аввакум был помещен в земляную яму в Пустозерске, где он и просидел до своей смерти. Вместе с ним в ссылке находилась жена Настасья Марковна с детьми.

Горько Настасье Марковне видеть сыновей своих, спеленатых цепями по рукам-ногам.

Ежли батька в ковах, так ему не привыкать (1995;2:201).

Протопоп писал свои послания чернилами, изготовленными из сажи. Главное его сочинение *Житие Аввакума* вышло из под пера в пустозерском заточении, заключенные которого (протопоп Аввакум, старец Епифаний, священник Лазарь и дьякон Федор) мужественно переносили тяготы. Перед казнью (их сожгли в срубе



дома) страдальцы попросили прощения друг у друга за причиненные когда-то обиды и перешагнули черту между жизнью и смертью.

Одна из основных героинь романа — боярыня Феодосия Морозова. Она часто посещала свою сродницу царицу Марию. Дом Морозовых был основательно устроен, где в кладовых и клетях хранились богатые запасы разнообразной снеди и всего необходимого. В этом доме приняли протопопа Аввакума, когда на него были гонения. Ф. Морозова также не приняла новые церковные правила, за что была выслана из столицы. Сестра Морозовой, другая героиня — княгиня Евдокия Урусова, была также вместе с ней до последнего дня жизни, когда они погибли от голода в земляной яме Боровского монастыря. Такие сложные моменты истории с героями романа, о которых я рассказала, случились на страницах личутинского *Раскола*.

### **5.3 Композиция произведения**

Исторический роман *Раскол* состоит из трех книг, в которых дается широкая картина событий XVII в. Действие в романе разворачивается в разных уголках Московской Руси и переносится из столицы на окраины государства: берега Белого моря, в Поморский край и Сибирь. Повествование ведется от третьего лица, и автор как герой романа взаимосвязывает происходящие эпизоды, что придает композиции гармоничность и целостность. В развернутой экспозиции *Росстань*, помещенной Личутиным в начале первой книги, дается ознакомление с основными героями трилогии, перспектива будущих событий. Что символично: роман заканчивается эпилогом под тем же названием *Росстань*, откуда можно узнать о дальнейшей судьбе героев *Раскола*. Здесь же автор делает весьма интересный зачин другой страницы истории под названием *Беловодье*. Это, возможно, воплотится на страницах новой книги. В сформированной Личутиным сюжетной основе заложены события церковного переворота в Московской Руси, приведшие Церковь и общество к расколу. Ю. Архипов указывает, что *Раскол* — вовсе не очередная художественная иллюстрация какой-либо определенной концепции русской истории, это роман в истинном смысле этого слова метаисторический. Раскол, в конечном счете, между государством и народом явлен здесь как тяжкая, неизбежная особенность пространственно-временного континуума (Архипов 2005:24.03). Одновременно можно сказать и о многообразии *частных*

*сюжетных линий* (писатель подробно описывает жизнь царской семьи и окружения, повествует о судьбе патриарха Никона, протопопа Аввакума, боярыни Морозовой, ее сестры княгини Урусовой и т.д.). Ранее Личутин упоминал, что частности жизни считали ненужными и несущественными, эту сторону старались не затрагивать. В то время, в литературе это главное (Нарыкова 2007:29.06). В трилогии представлено много героев, в основном — исторические лица. Перед нами проходят разные слои населения: члены царской семьи, представители священства, бояре, крестьяне, рыбаки, ремесленники. Как и в любом художественном произведении, у Личутина присутствуют и вымышленные герои: *У меня в романе есть и герои художественные, придуманные. Художественный роман не может быть без вымысла* (Личутин 2008:30.03). Писатель — сторонний наблюдатель, он отражает исторические события раскола, но его симпатии к своим героям очевидны: *Ко всем я относился с любовью и пониманием: к преступнику, к палачу и раскольнику. Это справедливый метод. Тем самым, я каждому оставлял место для исправления* (Нарыкова 2007:29.06). Автор соболезнует всем героям. У В. Личутина на редкость теплое перо — при всей его виртуозной изощренности. Тут все дышит любовью — к своему, родному, устоявшемуся (Архипов 2005:24.03). *Автор выделяет всем своим героям положенную долю доброты.* Личутин сказал об этом в интервью. Когда он задумал этот роман, то решил, что у него не будет нелюбимых персонажей. Он всех независимо любит, они все живые обыкновенные люди. Но его писательская симпатия на стороне протопопа Аввакума. Это можно почувствовать: Личутин уделяет больше внимания Аввакуму, подробно высвечивает его житейские детали, излагает мысли. И в последней главе он пишет о протопопе: Аввакум готовится оставить свой земной путь по воле царя, его с последователями предадут сожжению. Личутин показал природу в холодных красках смерти, все, как единое целое, находится в ожидании горя.

Протопоп попросил у стрельца дровишек. <...> Истопил печь, помылся. И, слава Богу, готов умирать. <...> Одеся в чистое смертное, встав на молитву, не тоскуя, отказавшись от сна. Черно было за окном, студливо, могильным мраком принакрыло снега, будто вся Русь погрузилась в смерть (1998;3/3:73).

Вторая и третья части книги *Вознесение* посвящены хранителям старины. Личутин уделяет много внимания трагичности судьбы боярыни Морозовой. Описывая ее высылку в тюрьму за непослушание царя, писатель стоит на стороне старообрядцев.

А Феодосья Прокопьевна уже была на дворе. <...> Господь расстелил ей под ноги цветной небесный ковер. <...> Христос провожал страдницу в крайний путь, посылал свое благословение и сулил Руси грядущего ужаса и бед (1997;3/2:17).

Но для Личутина любой персонаж не убедителен, если не понять и его логику-правду. Свою долю доброты отдает писатель патриарху Никону, показывая его нелегкий жизненный путь. Никон в романе во всех его взлетах и падениях куда как полнокровен. И нагляден так, что можно залюбоваться. Великую душу подстерегают великие же опасности, и автор, неспеша и не комкая повествование, умеет нам их показать (Архипов 2005:24.03). Личутин понимает своего героя, показывая его горькое одиночество: опальный патриарх получает свою долю доброты писательского сердца.

Никон остался совсем один на белом свете. Теперь можно ждать встречи с предвечным Другом: он оттрет всякую слезу с очей, и смерти не будет уже; ни плача, ни вопля, ни болезни тоже не будет (1998;3/3:65).

На страницах романа развернулась настоящая борьба между сторонниками двух идеологических направлений, где вырисовываются две сюжетные линии: за реформу и против. Представители старообрядцев занимают более пассивную позицию по отношению к динамичным реформаторам. Точка зрения Личутина однозначно совпадает с первым направлением, отстаивающим традиционную Русь. Поэтому, читая происходящее в романе, воспринимаешь историю под личутинским углом зрения. Описывая события, сопровождавшие реформу, он негодует.

Двадцать четвертого февраля 1656 года (несчастный для Руси день) пришлые чуженины прилюдно в Успенском соборе прокляли в Москве всех ее насельщиков, крестящихся по-заповеданному двумя персты (1995;2:47).

Если анализировать стиль повествования *Раскола*, то можно заметить, что *большой динамичности здесь нет*. Мнение Личутина заключается в том, что основным фактором является особая ситуация жизненных обстоятельств его героев. И если придать динамичность такому роману, то творение это будет лишь поверхностным и не дающим правильного осмысления проблемы. *Сложность состояла в том, что сами обстоятельства были религиозные, и жизнь моих героев протекала или в келье, или в заточении. Из-за этого нельзя было создать энергичного сюжета* (Нарыкова 2007:29.06). Использование статичных элементов вполне понятно: читателю необходимо познать характеры героев, обстановку действия. Так, каждый раз, когда появляется какой-то герой, автор дает подробное описание всех частей его одежды:

Юродивый Кирюша, ласковый и кроткий, с прибранной седенькой бородою, на голове постоянный обруч, обтянутый черной тряпичей с нашитым на ней позументным крестиком: скитался он в белой льняной хламиде с красными намышниками, босой (1994;1:36).

(Описание матери героя карлика Захарки):

Светлолицая, с волосами, как зимняя заячья шкурка, уряженными в долгую, по пояс косу, оплетенную атласными лентами, она и при возросшем сыне вроде бы оставалась в девушках...Переливались рукава тонкой кисейной рубахи, расшитой травами по плечам и вокруг шеи (1994;1:50).

Или, например, такое подробнейшее описание царской казны:

Сундуки, накрест кованные, и укладки металлические с золотом и серебром, церковная утварь и посуда от немцев и свеев, да в стенах изуделаны печуры со всяким дорогим скарбом, да с сосудами, да с многоценными древними иконами в сияющих ризах, да с ларцами, изукрашенными персидским камением, да тут же и подголовники спальные, да подголовники дорожные с гурмыжским жемчугом и олонецким, и золотой монетою внасыпь, да тут же всякое праздничное платье, и бархаты, и парчи, и объяри, и атласы, и камки, и тафты, и дороги, и киндяки, и шелки, и зендеи трубами и портищами, да ковры золотые и серебряные...(1994;1:63).

Обилие подробностей, растянутых описаний — не совсем хороший метод, т.к. движение идет очень медленно. Но писатель очарован этим временем и погружает нас в тот мир, что помогает восприятию реальности этой исторической эпохи.

Философское размышление писателя о событиях прошлого времени во вступлении-прологе *Зачин* приводит к эмоциональному настрою, сопровождающему на протяжении всего романа: *Все суета сует, все однажды источится в лед и пламень. Так к чему мои страды? Что тицусь я прочитат в потемках иссякших лет?* (1994;1:2).

Основные средства композиции придают произведению художественную целостность. *Завязкой романа* можно считать толкование Вонифатьевым сна царя: он призывает А. М. стать во главе всего православного мира.

Ты препоясал чресла мечом самодержца, но пушею оградою тебе крест православный.  
<...> Престол великого царя Константина ждет тебя (1994;1:18).

Все события, приведшие к обострению конфликта, участвуют в развитии действия. Личутин показывает исполнение Никоном плана изменения общественного состояния, устоев Церкви, задуманного царем А. М и его окружением. Никон был вовлечен в эту смуту, игру умов и идей людей, принадлежащих царскому двору. Все эти действия привели к *кульминации романа* — вечерней литургии в Успенском соборе в 1654 г., на которой патриарх Никон всенародно объявил о церковной реформе. С этого события конфликт получил более яркую окраску.

Никон вышел на Золотое крыльцо, поддерживаемый под локти дьяконами <...>. Вечеру видели москвичи черный крест на солнце: знамо быть беде (1994;1:102-104).

Но *развязка* в романе не является решением проблемы как таковой. Раскол в обществе остался, но накал страстей пошел на убыль. Развязкой в трилогии является

возвращение Никона из ссылки. Новый царь Федор Алексеевич приказал вернуться бывшему патриарху домой.

В день прибытия царских гонцов Никон с утра начал собираться <...>. И можно представить удивление братии, когда в Святых воротах Кириллова монастыря действительно показалась кибитка в сопровождении верховой охраны (1998;3/3:72).

В повествование романа автор вводит картины природы в качестве фона перед значительными событиями или придавая определенное настроение-восприятие для понимания характеров героев. Этот факт немаловажен, потому что произведение не только выигрывает от красочности описания пейзажей, но это помогает оценить какие-то поступки героев. Во второй книге романа Личутин показывает настроение людей, царившее в Москве во время церковной реформы.

Заря встала по-над Москвою пожаром, выкрасив заиндевелые стены Кремля и Китай-города, разлилась багровой рекою, слегка попрутушенная мгlistой дымкой. <...> Желтый зыбкий облак раскачивался над баенкой — то скапливались, покинув намытое тело, душевные нечистоты (1995;2:97).

Целью автора было не только изложить факты, но и дать им оценку. Личутин то сопоставляет историческое прошлое с настоящим действием в романе, то разрывает повествование, вставляя свои суждения. Его незримый образ получает и композиционное значение, соотносясь с персонажами. В чисто языковом плане такая неординарная роль повествователя особенно значительна, потому что он выступает в сознании читателя как носитель оценок всего, о чем говорится в произведении (Тимофеев 1976:207-208). Этому интересному моменту композиции я посвятила отдельный следующий подпункт.

### **5.3.1 Автор — герой романа**

Одной из особенностей композиции романа является присутствие самого автора, которого тоже можно назвать героем. Его голос чувствуется в оценке событий, различных ситуаций. Нарыкова отмечает, что в произведении много авторских рассуждений, и стиль написания не прост (Нарыкова 2007:29.06). Но, ведь, повествование идет о прошлом времени, Личутин дает понимание уже прошедших событий, умело используя для этого свое мировоззрение и эффект голоса. В моей с ним беседе автор подтвердил это: *Я выступал в роли такого судьи, который присутствовал при всем этом. Но для этого я взял позицию отстраненности, находясь в воздухе над*

*пространством, смотрел на своих героев. Мне хотелось это временное пространство уничтожить и создать иллюзию, что все происходит в моем присутствии.* Писатель выражает свою мысль, напутствует героев, дает им советы и наставления, оценивает их поступки.

Царь-государь, очнися, стряхни с себя тугу и военную насаду, <...> изгони из сердца полковые хлопоты (1995;2:33). Ой-ой, Федосья Прокопьевна, остережись в мечтаньях, не вводи Господа в тугу, не вводи судьбу в искушение (1994;1:56).

Не покидает мысль, что герои романа слышат автора, внимают его речи. Личутин как носитель особой роли говорит с ними так, как будто *сам находится в том же временном пространстве.* Об языке *Раскола* я буду говорить в другой главе, но здесь укажу на следующее. Используя язык той исторической эпохи, Личутин уходит от читателя как автор, но перемещается ближе к своим героям, ведь, он говорит на языке XVII в. Такая трансформация ему необходима, тем самым достигается желаемый эффект: мы можем видеть в писателе современника героев *Раскола*.

Кир Никон, <...> раскрой пошире недремные очи и увидишь, как плотно и слитно набита Русская Церква прихожанами, узнавшими, что ты покидаешь престол (1995;2:65). Но ты-то, Никон, <...> явился по зову собора, чтоб возложить на чело патриаршью шапку, так и не отступай (1994;1:76).

### **5.3.2 Исторические хроники**

В. Личутин вводит в повествование романа хроники-документы того времени. Такие пояснительные заметки дают точные сведения от первоисточника. Чтобы придать произведению дополнительный вес, автор дополнил его какими-то фактами, наполнил хроникой. Трилогия получилась более достоверной. Хотя это художественное произведение, но присутствие элементов исторической хроники позволяет его рассматривать для анализа общественного состояния эпохи XVII в. В заключительной главе книги третьей *Вознесение* Личутин приводит весьма важные примеры из архивных документов того времени:

В 1676 г. в Пошехонском уезде... сожглися 1920 человек. <...> В 1679 г. на речке Березовке <...> сожглися 1700 человек. <...> В 1682 г. в селе Княгинино собрались мужи и жены из соседних деревень в одно гумно <...> и зажглись (1998;3/3:75).

### 5.3.3 Сны героев

По представлению автора, герои романа видят свое будущее во снах, которые предвещали какие-то события. Нарыкова уточняет у писателя его точку зрения на это: *Многие ваши герои видят будущее во снах. Это явление историческое?* На что Личутин ответил: *Это моя концепция: настоящую жизнь человек проживает во снах, а не наяву; полную, гармоничную жизнь. Для того сон человеку и дан природою, чтобы он испытывал все варианты жизни. Сон наполняет серую жизнь очарованием, окрашивает ее в необыкновенные цвета, дает новые картины, впечатления* (Нарыкова 2007:29.06). Цель В. Личутина была такова — не придать историческому роману элементы фантазийного характера, но показать мысли и чувства своих героев, имея на это свою концепцию и убеждения. Фантазия человека, воображение, проявляющееся в сновидениях, это часть его подсознательного мышления.

Припоздняясь, царь лег опочивать, и вдруг приснились ему новые хоромы <...>. Царь обрадовался терему, но и удивился: откуда взялась стройка? <...> Новые хоромы приснились к смерти, и государь понял, что от этой скорби нынче не убежать (1998;3/3:35). Аввакум <...> сладко забылся и ушел в тонкий сон; в такие вот блаженные минуты, когда ты вроде бы и с плотью не разлучился и все чуешь вокруг себя, приходят вещи знаменья, о коих веком не думалось прежде (1997;3/2:74).

Личутин, используя такой литературный прием, показывает подсознательные мысли и переживания своих героев. Ф. Достоевский считал, что для изображения характера *надо ему и поле действия выдумать* (Достоевский 1931:132). Композиционное построение трилогии *Раскол* и представляет то поле действия, которое Личутин сформировал для изображаемых им героев.

## 5.4 Художественные особенности языка романа

Надо отметить богатство и разнообразие литературного языка В. Личутина: это слова и обороты народно-разговорной речи, старинные слова и выражения. Если говорить о словесных средствах языка, то они вполне соответствуют изображаемому им миру: эпохе, характерам героев и их быту, обстоятельствам, в которых они находятся. *Раскол* — исторический роман, автор переносит читателя в глубину XVII в. Руси, а это уже другая эпоха. Русский язык на протяжении более трех веков претерпел изменения. Все

же, читая роман, можно получить представление об языке эпохи Московской Руси. Так, Личутин ввел в речь своих героев архаизмы (славянизмы) того времени в качестве элементов древнего языка. Церковнославянские слова автор использует во всех книгах романа: *Словно бы патриарший дворец со многими службами и древним чином перекочевал на Истру* (1995;2:91); *в полдневную жару после трапезы вздремнул монастырь, опочнул на часок перед строгим послушанием* (1997;3/1:21). Но особенно интересно использование глаголов в Aorist, 3.pl: *При царском духовнике вся быша* (1994;1:16); *не страшася* (1994;1:73); *с великой нуждой умолиша его на высочайший святительский престол* (1994;1:78). Старославянская лексика не только украсила роман-трилогию, но и придала ему неординарность.

Роман довольно познавательное произведение. Цитаты и выражения у Личутина соответствуют тематике романа. Пение одним из героев духовного стиха *Сон Богородицы* — один из примеров духовного народного творчества:

И вижу: я чадо спородила, на Иордани реки омывала, во пелены пеленала, во пелены берчатые, <...> во поясы шелковые (1994;1:23).

Чтобы придать достоверность и правдивость в отражении времени XVII в., писатель обращается к Евангелию, христианским образам: *Мати Пресвятая Богородица, Николай Чудотворец, Святой Пантелеймон-целитель, Косма и Дамиан, помозите грешному Любимке* (1997;3/2:46). В этом примере — возможность осмысления нравственного поучения в аллегорической форме с помощью библейского материала, притчи: *Легче верблюду пролезть в игольное ушко, нежели христовенькому угодить во врата Града небесного* (1995;2:89). Это слова из Евангелия (Новый Завет: Святое благовествование от Матфея, глава 19.24): *И еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому зайти в царствие Божие* (Библия 2003:1037). Но у Личутина *христовенький* вместо *богатого*. Ведь, не являясь истинным христианином, по мнению автора, недостойный христовенький также грешен.

Архипов пишет о музыкальности личутинской прозы, подслушанной у народа: меткие словечки-клейма, ядреные пословицы и прибаутки, поразительные по смелости стяжения метафоры — все это словно песня. В *Расколе* он распахнул свои заветные короба, сундуки, где и ситец, и парча, яхонты, жемчуга, изумруды, сапфиры. *Северное барокко* — можно назвать его стиль и метод (Архипов 2005:24.03). Рассказывая о своих



героях, автор создает вокруг образов определенную атмосферу. Таким образом, немалую роль в его повествовании играют *эпитеты, метафоры и сравнения*. Так, в романе ощущается много поэтических эпитетов, показывающих выразительность слова: *кривой слуга* (1994;1:35); *чудная пустынь, вековечные деревья* (1997;3/2:41). В тексте *Раскола* удачно используются метафоры, неся стилистическую функцию усиления впечатления: *Говори, Венедикт. Я твоего разумного хлеба ести хочу* (1994;1:23). В этом примере сохраняется перенос смысла действия в другом образе: *Меч суетумудрия <...> будет пострашнее меча бранного, ибо убивает не только семя и грядущие всходы его, но и саму веру в Сына, высевая по пажитям плевелы ненависти и розни* (1995;2:47). Здесь действие усиливается этой метафорой со смыслом (в данном случае — зла), вложенным в меч. Далее: *Экие <...> понаехали с чужебесными ножницами и давай взрезывать самое сердце славянской земли* (1995;2:108). Метафора *ножницы* выступает со смыслом резать и кромсать в государстве, чтобы ввести свои, чуждые обычаи. Если говорить о средствах языка — *сравнениях*, то некоторые из них писатель применил для более точной и конкретной характеристики своих героев, другие для придания действительности большей образности: *Что ты, доченька, как кокушица горькая?* (1995;2:133); *и мы ныне с тобой, как те бакланы <...>; чего, Флавиан, бродишь под окнами середка ночи, как мышь у крупы?* (1997;3/1:19); *сын-то ангел <...>, а ты погнала от стола, как махметку с паперти* (1995;2:104).

В своих интервью В. Личутин сказал о том, что у него не было учителей среди известных писателей, хотя выделяет В. Распутина и В. Белова. Как говорит о Личутине Распутин, то он у него: писатель — мастер-словостав. Слово у Личутина, поставленное в определенный ряд и говорящее совокупно, не выпрыгивает, а от веса своего тянет в глубину. Он любит приласкать слово, повернуть его и на один бочок, и на другой, чтобы засветилось оно разными гранями, заставить молвить и так и этак. Не *поле*, а *польцо*, не *бор*, а *борок*, даже не *сиверко*, а *сиверик* (Распутин 2000:01.04). Интересно рассмотреть применение Личутиным в *Расколе* существительных в уменьшительных формах: *сторонюшка* вместо *сторона*, *дождичек* вместо *дождь* (1995;2:40); *кольчужка* вместо *кольчуга* (1995;2:33). Это говорит о его любви к своей родной земле, к своим героям. При написании трилогии Личутин использовал свой северный поморский диалект (в скобках — слова литературного русского языка): *Мой-от*, *Любимко* (частица *от* представляет функцию, схожую с определенным артиклем); *так маракую* (говорю),

ты гли (гляди) сколько женихов (1995;2:133); черед Ванюковых плавать (ловить) семгу (1995;2:156). Повествование в романе стало более естественным при обращении к такому речевому источнику — поморскому диалекту, который частично сохранился за прошедшие века (я слышала эти выражения от моей тети, проживающей в Архангельске). Личутин отметил, что вначале ему было трудно найти язык общения героев, но он все-таки нашел выход из этого положения: *Трудно представить, как пользовались словом; как обращается государь к боярам, смердам; как говорят священники, старцы, купцы, крестьяне. Поэтому, когда я писал первую книгу, у меня шла разладица, диссонанс в языке. Не было хоровода слов. При написании же второй книги меня как озарило: они же все говорят одним языком! И сразу сложности растворились. В третьей книге это наиболее заметно. Она – квинтэссенция всего* (Нарыкова 2007:29.06). В интервью я задала Личутину подобный вопрос, на что он ответил так: *Язык полностью взят из XVII в., я его не сочинял, нынешний язык насильственно туда не вносил. Это язык, который у меня был на слуху. Ведь, тогда были совсем другие общественные условия и социальные отношения. Нам сейчас это не понять: жили на расстоянии одной руки. Крестьянин, прошак мог подать свою депешу прямо государю: они имели близкие отношения. В Расколе — много героев, это разноликая масса: что ни голос, то особый тип. Учитывая особенности языка и анализируя речь личутинских персонажей, которая передает основные черты языка этих героев, можно говорить об их портретной характеристике. У каждого из них своя манера выражать чувства, свой словарь, своя тональность. Так, например, в речи боярыни Морозовой можно увидеть заботливую о своих приближенных и слугах хозяйку, верную своей Церкви и традициям христианку:*

Жалею я вас. Ой жалею, как малых и неразумных. Некому-то вас наставить. <...> Я не отступлю от православной веры. Не предам Христа ради тленных утех сих. И неуж не видите, что раз предавшим уже нет веры? И все наперекосяк (1995;2:117).

*Патриарх Никон* же говорит мало, но внушительно, весомо, умеет найти разговорное выразительное слово:

Но родники истока нельзя засыпать. Без истока и великая река засохнет. Не новин я хотел, а старин и великих истин (1998;3/3:70).

В. Личутин использует в разговорах своих героев много пословиц, метких словечек и выражений, которыми славился народ: *С волками жить — по-волчьи выть* (1995;2:202); *с сильным не борись, а с богатым не судись* (1997;3/1:23). Что еще важно: у автора нет искажения русского языка и неестественности в речи иностранцев (в

основном это греки), присутствующих в романе. Они говорят с толмачами-переводчиками. Чтобы погрузить читателя в мир действительности романа, автор прибегает к большим сложным предложениям, представленных в виде развернутых фраз. Так, в книге третьей *Вознесение*, описывая окраину России, местонахождение Соловецкого монастыря (Соловков), Личутин применяет такую сложную конструкцию в виде одного предложения:

Для одних — чужедальная сторонushка, испролитая горькими слезами, почитай, самый край света, окруженный полуночными льдами, за которым начинается смрадное провалище, зовомое тартары, попасть сюда — как в гроб живым лечь; для других — сладкая обитель, напоенная божественным мирром; для одних — бесова дудка, где в свои накры и гудки наигрывает сатанинская рать, а для поморянина — это свойская, родимая земляца, воистину райское место, и как желанно, ежели настигнет беда, угодить в уносе хотя бы на голимый камень (1997;3/1:53).

Хочу сказать о том, что язык романа не совсем однороден. Так, некоторые формы, якобы свойственные языку XVII в., не соответствуют норме того времени с точки зрения лингвистики. Так, *едва не затопила хоромы слезьми* (творит. падеж — *слезами*) (1994;1:58); *отшатились от заповедей и догматов святых отцей* (родит. падеж — *отцов*) (1994;1:78). Но это оправдано с точки зрения грамматики и эстетики, т. к. читатели могут воспринимать эти слова, как из другой исторической эпохи.

## 5.5 Москва — третий Рим?

### 5.5.1 Московская Русь на пороге раскола

Московская Русь хотела видеть себя всеправославным центром. Этот факт находит место в романе и в размышлениях патриарха Никона, принявшего позицию царского двора: *Москва православная — это не третий Рим, но новый Иерусалим; под его золотыми крестами соединится под брони весь Восток, Европа и Азия, подпавшие под басурмана* (1994;1:84). Никон вступил в управление Русской Церковью с твердой решимостью восстановить полное согласие ее с Церковью Греческой, уничтожив все обрядовые особенности. Восточные иерархи, все чаще наезжавшие в Москву в XVII в., указывали русским церковным пастырям на эти особенности, как на местные новизны (Ключевский 1957;3:303). Так новый мир цивилизации Востока, мир политических интриг и борьбы, не изолированный, как Москва, наследница Византии, раскрывался

Никону в рассказах Паисия (Зеньковский 1995:172-173). Но Личутин видит в этом надвигающуюся беду для Руси:

О, Русь, православная, сладко рекомая Третий Рим, и неуж ты не почуяла глубинной долготерпеливой смиренной душой своей, как пришельцы-милостынщики ловко накинули ярмо на твою шею и повлекли в пропасть (1995;2:47).

Такие вопросы как малороссийский, балтийский и восточный были важны для царя. Личутин пишет, что много новых земель государским рачением, мужицкой хваткою и усердием подпятил под мономахову шапку А. М. (1995;2:151). Но государева казна, *загнетившая все серебро в походы* (1995;2:35), опустошалась. Кроме того, участие приезжих греков и западнорусских ученых, неразумное пристрастие правительства к казавшимся ненужными заимствованиям с Запада распространило в русском рядовом обществе догадку, что церковные новшества — дело тайной пропаганды (Ключевский 1957;3:310). Личутин констатирует, что государство постигла беда, он описывает эти события в безрадостных тонах.

И на эту хворь <...> слетелись греки и фрыги, и sweи, и деги, и все уволакивают с собой за рубеж, не жалея меди, скупают меха и золото, <...> а смердам с тех медных денег туга и кручина (1995;2:35).

И пришло в их дом горе, которое расколело русских людей на два лагеря. Но пугаясь пуще всего скверны еретической и нового вертепа, уstraшенный поселянин принялся спасать себя сам. И разбрелись смятенные люди душу свою сохранять от гибели (1995;2:43).

## **5.5.2 Вопрос о старообрядстве**

При рассмотрении народно-психологического состава старообрядства можно увидеть в нем три основные элемента: церковное самомнение, по вине которого православие превратилось в национальную монополию; косность и робость богословской мысли, не умевшей усвоить новое знание и испугавшейся его; инерция религиозного чувства, не умевшего отрешиться от привычных способов и форм проявления (Ключевский 1957;3:314). Автор говорит, что православный мир велик, и неисчислимые церкви и монастыри его, как бы нерушимые столпы (1994;1:79). Но патриарх Никон признается: *Всяк на Руси извечно живет по натуре своей, науки шибко не любит* (1994;1:77).

Во все времена оглушенный затеями народ, искренне боясь новин <...> бессильно ярится и плачет, и стенает, ино кулак вскинет с угрозой <...>, но увидя всю напрасность протеста, после уже смятенно бредет под ярмом, смущенно уповая лишь на Божию милость (1997;3/1:50).

Московский Кремль и происходящие там события являются основным фоном в романе. Здесь принимались важные решения, в результате чего действие перемещалось на окраины государства: *с первым зоревым проблеском ударит в Кремле басовитый Борисов колокол, и рокот его, равноставный, перевалившись через леса, через тыщи поприщ, будто по чудесной воле вливается зовом* (1997;3/1:17). В феврале 1656 г. в Успенском соборе Кремля были осуждены все, кто противился нововведениям в Церкви, а значит и все угодники Руси, ее святые, защитники и праведники, князья благоверные и смерды (1995;2:47). Но протестующее противоцерковное настроение раскола превратилось в церковный мятеж, когда старообрядцы отказались повиноваться своим церковным пастырям (Ключевский 1957;3:314).

Но что мог позволить упорный в вере русский человек, ничем не могущий возразить подавляющей силе? <...> Как трудно, почти невозможно расставаться с обычаями предков (1997;3/1:50).

Печальная Русь стала готовить костры, собираться к страстям и выискивать меж собой великомучеников (1998;3/3:72). Противостоящий церковной реформе протопоп Аввакум и его последователи были полностью убеждены в своей правоте. Автор подробно описывает их неуспешную борьбу (более подробно я рассматриваю эти вопросы в следующих разделах). Сцены восстания Соловецкого монастыря стали у Личутина основными в теме раскола: из пятисот мятежников Соловков лишь тридцать два монаха избежали печальной участи. А оставшихся в живых монахов свезли с острова и сослали по обителям; но никто до назначенного монастыря не доехал, разбрелись по Руси кто куда (1998;3/3:37-45). Герой романа Федор Мезенец, принявший юродство за помощь Божию в спасении от бури на море (с ним тогда был и Никон!), благовествовал народу: *Церковь бо не стены церковные, но законы церковные* (1995;2:43).

В конце романа — подведение итогов: личутинские герои разошлись по разные стороны раскола. А в центре его остался Никон. Голубовский навестил патриарха, уже бывшего в ссылке: *На Березовке-то тысяча семьсот православных скончали себя в огне. Самоволкой зажглися, только чтобы в твой окаянный вертеп, зовомый Церковью, не ходить. Я их проводил, дверь заложил, искру высек на бересту и порох и сказал: ступайте, детки... Но не ты ли их вогнал в грех и спровадил к дьяволу во ад?*, — спросил Никон. Он был уверен, что все так и было (1998;3/3:67).

## 5.6 Герои романа — представители Московской Руси

Эта глава задумана как основная в анализе романа. Здесь я буду рассматривать персонажи *Раскола*, которые являются главными героями трилогии. В. Личутин описал характеры исторических лиц, которые существовали реально в период русского средневековья в XVII в. Но т. к. о них не сохранилось и даже не было описания частной жизни, писателю было трудно воссоздать эту жизнь, их личностные черты. Приходилось самому догадываться, предполагать: как, например, изменились отношения между людьми, выражались их чувства. Отвечая мне на вопрос, как он создавал характеры своих героев, Личутин ответил, что многое приходилось додумывать, воображать. Образ этих персонажей собирательный и присущий представителям Московской Руси того времени. Важно и то, что в результате реформы были переписаны книги, что привело к искажению событий жизни России до XVII в. Целью моего анализа является показать прежде всего таких главных героев, как царь А. М. и патриарх РПЦ Никон. Мне важно определить здесь: какова закономерность связи между характерами этих героев и событиями, представленными Личутиным в романе? Этим персонажам я выделяю отдельными частями главы, чтобы правильно оценить их роль в проведении церковной реформы. Остальных же участников действия я решила расположить в двух группах, как сторонников реформы, так и противников, ведь, раскол в Церкви и обществе Московской Руси изначально произошел между этими группами.

### 5.6.1 Государь Алексей Михайлович

Царь Алексей Михайлович — один из основных героев романа-трилогии, реальное лицо русского средневековья. Личутин показал его в романе весьма многогранно: А. М. — верующий христианин, глава государства, заботливый семьянин. Все события произведения так или иначе тесно переплетены с его именем. Впервые читатель встречается с А. М., когда ему двадцать с небольшим лет. Знакомство с ним начинается необычно: царь видит сон. Он бежит по солнечному лугу от наступающей беды. *Но перед ним открывается бездна, а цветущий луг укорачивается...* (1994;1:15). Уже в

начале романа Личутин использует литературный прием предсказаний: делает прогноз относительно своего героя, т. е. автор перепрыгивает во времени. Личутинский рассказ в двух уровнях: первый во сне, другой в реальности. Причем, сон повлиял на то, *как и каким царь А. М. увидел Аввакума, другого героя романа*. Писатель напрямую сравнивает в царском сне протопопа Аввакума с темными силами. Здесь я хочу указать, что речь идет не о взгляде писателя, а об отношении к Аввакуму самого царя. Личутин описывает внутреннее состояние А. М., его мысли и рассуждения во время сна. Так, перед царем возникает каменная стена с лестницей, уходящей в занебесье. А. М. решил подняться наверх к Господу, но его оттолкнул неизвестный в долгом кафтане. Полный презрения взгляд, брошенный на царя, остался у него в памяти. Неведомый беглец первым достиг верха, но А. М. услышал глас с неба: *Отклони плечо, государь, вражина и сверзнется*. Торжествующий враг сорвался в пылающую бездну, а его кафтан показался царю черным крылом (1994;1:15). Последующий эпизод, происшедший во владениях духовного отца царя Вонифатьева, является существенным моментом: *А. М. впервые встретился с протопопом Аввакумом*.

Государь лишь на миг потерялся, ему вдруг помыслилось, что человек подобной наружности являлся ему во сне. <...> То значит, <...> что в самое государево сердце уже прокрался Антихрист? Государь взял подсвечник и посветил на Аввакума. <...> Гляди пуще, великий государь: <...> глубоко отпечатается Аввакумов дерзкий взгляд, попрутушенный слезою, в твоей богорадной душе (1994;1:17).

У Гете в трагедии *Фауст* тоже уход от реальности, только сон — то, что происходит на небе. Личутин проводит прямую литературную параллель с *Фаустом*. Ведь, герой Мефистофель — сатанаил, тринадцатый ангел, которого Господь изгнал когда-то из рая, потому что тот воспротивился и противоречил Ему. И стремится этот упавший ангел постоянно наверх, но все же падает опять вниз.

Мефистофель (*серьезно*)

Но слушай же. Когда за грех один Господь низверг нас в глубину глубин, мы центр земли в паденье пересекли и очутились в вековечном пекле... (Гете 1997:691).

Читатель еще не встретил Аввакума, но писатель намекает на последующее развитие событий. Тринадцатый ангел, *символизирующий несогласие и несговорчивость* по отношению к царю, олицетворяется в Аввакуме. Дерзкие глаза протопопа, пытавшегося подняться в царском сне назад к ангелам, и увидел А. М. Он не взлюбил протопопа Аввакума сразу, с первых минут знакомства, видимо, отпечаток сна остался в памяти. А читатель может догадаться, что будет развиваться дальше: Аввакуму предстоит падение и изгнание по причине своего противоречивого характера. Более подробно о протопопе

Аввакуме я скажу позже, в другой части главы. Здесь лишь затронула мое важное наблюдение и акцентировала внимание на символизме сна царя, которым воспользовался писатель Личутин.

Герой романа царский духовник Вонифатьев, как представитель царского двора, был ярким сторонником *теории Москва — третий Рим*. Он объясняет сон царя, как предназначение Московской Руси постоять за православные народы и стать духовным центром. Зеньковский также пишет, что никогда в истории России идеал православного царства не был так дорог царю А. М. (Зеньковский 1995:102).

Пресвятая Троица благословляет державное твое царствие, она на весь мир покажет тебя победителем. <...> В несчастьях плачутся наши братья православные на востоке. <...> Престол великого царя Константина ждет тебя... Ты чуешь, царь, откуда пришел на Русь и донынь сияет свет истинной веры? <...> Вон и гетман Хмельницкий с Днепра просится под крыло. А там и Великий Киев, мать наша, встанет опорой (1994;1:18).

Но Личутин, как сторонник старых традиций, эмоционально предостерегает героя-царя: *А ты возжелал отдать Русь великую за греков? И неуж кроткий Стефаний уместился в сердце твоём, чтобы тайком развращать его ко грядущей пагубе? Ты хочешь управлять всеми православными народами, отдавши на погубление свой? Ты вспомни нынешний сон, государь: ты спешил к неведомой стене, а позади тебя с грохотом обвалилась родимая цветущая земля* (1994;1:18). Но не только Вонифатьев втолковывал царю о грядущих переменах, такого же мнения был и греческий патриарх Паисий. Писатель пишет, что царь не воспротивился греческим словам, но позабыл свои древние отеческие обычаи. А в тот вечер, когда русский государь читал это послание, над Москвой видели падучую звезду. И загадали православные беду (1994;1:66). Личутин пишет, что царь А. М. плакал перед будущим патриархом Никоном: у искренних всегда открыт благочестивый родник. С тех пор стал А. М. называть Никона собиным другом, а иногда и отцом. Твердый же в решениях Никон не позволял царю Алексею быть владыкой духовного мира, а только земного. Но, ведь, по мнению царя и его двора никто не должен творить себя судьей царской думы, никто под опасением преступления не может разбирать думы или обсуждать причины, руководящие царем, ибо над царем нет другого судьи, кроме Бога (1994;1:43-80). Никона царь видел *вторым государем*, говоря о том, что тот святитель не только на Руси, но и во всем славянском мире.

Я слышу ежедень, как сыплется все внутри моей земли, и мне больно оттого. <...> Я чувю, как плачут братья наши в Малой Руси и Белой Руси, просят щита и приклона. Молит защиты и призора Царь-град под пятой салтана (1994;1:76-80).



Личутин говорит, что А. М. был трудолюбивым человеком, вставал рано, в четыре часа утра. За ним же нехотя поднимался и царский двор. Повсюду зажигались свечи и фонари, начинал звучать на всю Москву Годуновский колокол. А. М. начинал же день всегда с утренней молитвы, это был его основной распорядок. Он сам подливал масло в лампы, возжигал фитили: такая работа приносила ему умиротворение. Душа царя наполнялась боголюбивым теплом, тогда и предстоящий день приносил ему радость бытия. Соблюдая религиозные правила, русский государь строго постился восемь месяцев в году. Личутин сравнивает такую его готовность борения с плотью, какую имеют только монастырские монахи. А в Великий пост (перед Пасхой) царь обедает лишь три раза в неделю, да и то только постное и без масла. Это та ества, от которой смиряется плоть и воспаряется дух человека (1994;1:14-20). Ключевский также указывает, что А. М. был образцом набожности и точно размеренного благочестия, над которым так много и долго работало религиозное чувство древней Руси. С любым иноком мог он поспорить в искусстве молиться и поститься (Ключевский 1957;3:321). Личутин отмечает еще интересные детали: А. М. — единственный в Руси царь-охотник, царь-поэт лесовых потех, у которого душа растворилась в природе. Он отправлялся в Подмосковье из Кремля в любую погоду, где забавлялся соколиной или псовой охотой. Слуги называли царя Хозяином, чувствуя его заботу о них и доброту. Благосклонность А. М. к ним была его естественным состоянием, а их взаимность радовала этого простеца-человека (1994;2:21-32). В этом историческом романе А. М. представлен, как царь-новатор, открыватель западно-европейской культуры. Бывая со своим войском на военных рубежах Европы, он многое перенял для устройства в Московской Руси. Деревянный терем своего отца, построенный в русском традиционном стиле, он заменил на каменный, на немецкий вкус. Все эти приближения национальной русской культуры к культуре Запада имели для царя немаловажное значение: его основным помыслом было желание видеть Москву центром православных народов. А для этого и было затеяно им обновление РПЦ, для чего и был призван патриарх Никон. Личутин сравнивает покосившийся устой Церкви после введения церковной реформы с ее зданием, которое практически могло рухнуть. Это привело к расколу в Церкви, а как следствие — во всех слоях общества.

А когда, упершись очами на Запад <...>, Алексей Михайлович тронул в ту сторону свою каптану по глубокой целине, то разворачивать коней уже стало поздно. <...> Огорчаясь неустрою в Русской Церкви, царь решился собрать ее в согласную купность <...>, но не рассчитавши, поддел вагою под коренные опорные стулцы слишком сильно, <...> и он пополз с древних окладных валунов (1994;3/3:16).

Патриарх Никон был главным исполнителем задумок царя и его двора. *Мягкость и нежелание А. М.* вникнуть во все наговоры на Никона со стороны боярства, которые были ущемлены после церковной реформации, сделали патриарха изгоем и виновником всего и вся. Перед Рождеством на Соборе 1666 г. над Никоном свершался уже суд. Царь присутствовал и выражал одобрение тому, что патриарха Никона низлагают и унижают. Одновременно с этим, царь жалел своего собиного друга, но скорее всего он жалел себя в стремительно ускользающей жизни. Ведь, Никон был как отец родной, снимал с души государя думы и мысли о смерти. А отказаться от Никона, значит отречься от памяти своей. Но ревность сжигала А. М., ведь, даже на этом Соборе Никон подчеркивал свое превосходство. Так и не смог царь простить патриарху его независимое положение, и он обвинил Никона во всех бедах, нашедших на Русь после реформы: *От начала Московского государства не бывало такого бесчиния. И сами видите, какие смуты вдруг учинились. Никон к тьме подтолкнул великую Русь и Церковь обрек на вдовство* (1994;2:162). По мнению Ключевского царь А. М. принял в преобразовательном движении такую позу: одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, *да так и остался в этом нерешительном переходном положении* (Ключевский 1957;3:320). В романе царя не покидает мысль о правоте дела переустройства для создания православного центра в Москве. Но он часто находится в раздумьях относительно происходящего в государстве: раскола в Церкви и обществе. Смерть царя, его уход со страниц *Раскола* также описаны с использованием двухуровневого повествования, где мир отделяется снами от реальности. Сон имеет значение, это важная деталь романа. Как и у Гете, у Личутина — двойной мир. Когда А. М. умирает, эти два мира, до этого шедшие параллельно, встретились. Смерть является итогом и у Гете, где небо, представленное напрямую как сон действия, встречается с реальной жизнью.

*Мефистофель.* Чуть дух покинет тело, договор ему представлю <...>. Но столько средств есть с некоторых пор отбить у черта душу незаконно! *Хор ангелов.* Пламя священное! Кто им охвачен, к жизни блаженной добра предназначен. Воздух очищен. Братья, в полет! Дух сей похищенный вольно вздохнет (Подымаются к небу, унося бессмертную сущность Фауста) (Гете 1997:752-759).

...Вот Алексей Михайлович бежит по солнечному лугу от настигающей беды <...>. Он, государь московский остался один на миру <...>. Взмолился он: *Господи, помилуй и спаси!* И Некто, весь осиянный, в белых ризах, протянул руку, чтобы поддержать государя. <...> Но тот решительный злодей, <...> закогтив смертельно русского царя, <...> повлек несчастного в клубящуюся бездну (1994;3/3:36).

В романе произошел раскол исторический, между людьми и внутри самого героя — царя. А. М. шел между полюсами в течение всего романа, но раскол в его душе, государстве так и остался. Разрешение этого явления не наступило, царь оказался соединительным звеном между небом и землей. Возможно, он себя искал всю жизнь, мучился, но не нашел и в смерти: *И Алексей Михайлович завис меж небом и землей* (1994;3/3:36).

## 5.6.2 Патриарх Никон

Личутин придает фигуре Никона большое значение. На интервью он дал высокую оценку патриарху, сказав, что *Никон — это самая значительная для российского общества фигура XVII в. Это век Никона, как XVIII в. — Петра Великого*. В романе *Раскол* Никон словно выступает на яркий свет из скрещенья теней: одна тень, что отбрасывает впереди себя Грозный, и другая — стелющаяся за Петром Великим (Архипов 2005:№39). Автор знакомит читателя с Никоном необыкновенно. Для этого он выбрал эпизод морской бури, когда будущий патриарх совершал побег с Анзерского скита (Соловецкий монастырь). Это было преддверие той бури, которая наполнит собою жизненную тропу Никона. Здесь на море он получает спасение благодаря поморскому мальчику, но впереди у Никона будет бурный период патриаршества. Личутин описывает своего героя, как высокого ростом человека с богатырским организмом, статного телосложения. Темно-русые волосы густою волною до плеч, черные навывкате глаза в глубоких обочьях, тонкий нос с широко взрезанными ноздрями, щеки, выпитые долгим постом, да витая борода по самую грудь, все это говорило о его необычной натуре (1994;1:27). Ключевский писал, что Никон был капризен, вспыльчив, больше всего самолюбив. Он умел производить громадное нравственное впечатление. Из русских людей XVII в. нет человека крупнее и своеобразнее Никона (Ключевский 1957;3:298). Личутин пишет, что для самого Никона суть земной жизни не заключалась в одном рвении и старании: глубокая религиозность и редкий аскетизм сопровождал его все годы. Свое тело монах изнурял и в период патриаршества: носил на себе тяжелое верхнее богослужebное облачение, как саккос и омофор, нательные металлические предметы — вериги, помогавшие ему бороться с плотью. Как защитник всякого бедного и подневольного, Никон был грозой

монастырской братии, неистовым ревнителем за истинное русское благочестие (1994;1:27).

Государю жалуются, что допекаю молитвами, службами допек. <...> Церковь — содом и вместилище греха: омраченный пианством вскочит народишко безобразно в Церковь и давай беса править. Волхвы и еретицы, богомерзкие бабы-кудесницы окружили Христов дом...(1994;1:27).

Еще в юношеские годы услышал Никон, тогда Никита в миру, от священника Анании, что его ждет высокий сан патриарха: *Юноша избранный, ты по благодати Духа Святого будешь носить рясы лучшие этой, будешь ты в великом чине, патриархом* (1994;1:28). Но писатель призывает Никона бодрствовать: *тебе выпала воля дозорить над Русью. От твоего костра разлетятся искры, и подымется пал, и горящие галки полетят над землю* (1994;1:28). Увидев в Никоне, тогда новгородском митрополите, сильную личность, царь возжелал провести преобразование в Церкви Московской Руси именно при его патриаршестве.

Много званых, да мало избранных. <...> Бери, Никон, в жены вдовеющую Церковь. <...> Цветист на речь, любомудр Никон и каждым словом притяглив, как природный камень-магнит (1994;1:73).

Личутин указывает, что Никон глубоко переживал свое возвышение, его душа страдала: *Видит Бог, гореть мне в аду огненном за грехи тяжкие: ибо нет ничего блуднее и нелепее самодоволия и гордыни. Боже, Боже, прости меня! Не хочу славы, но хочу уединенья!* (1994;1:75). Писатель показывает при этом традиционность поведения избранника на высокий церковный сан: Никона неоднократно просят дать свое согласие. При этом уже обнаруживаются и сильные черты характера будущего патриарха, его идея возвышения Церкви над царством принимала реальность: царь встал на колени перед Никоном. Царево смирение, которого удостоился Никон, было почестью для будущего патриарха. *Доколь мучить будешь? — воскликнул царь, пал на колени и заплакал. И бояре, и священство, и весь народ, притекший в собор, повалились ничком на пол, упрашивая Никона в пастыри* (1994;1:77). В случае объединения всех православных под властью русского царя влияние и власть русского патриарха также должны были бы вырасти, а сам патриарх мог бы фактически стать патриархом вселенским (Зеньковский 1995:173). Личутин сказал на интервью, что Никон воспринял церковную реформу как необходимость на пути к вселенскому православному центру, становлению русского патриарха государем православия. *И была затеяна переделка государства не только религиозная, духовная, но и утилитарная. Это было чисто*

*бытовое обновление общества во всем, что касается внешней обратной стороны: одежды, языка, питья, молитвы.*

Сколько перемен понасыпал в народе, <...> монастырей понаставил, к учености греческой и малороссийской решительно подтолкнул Двор, чтобы не закоснели в дремучем невежестве (1998;3/3:25).

Патриарх Никон начал унификацию богослужения в РПЦ весьма необдуманно. Церковные обряды, не претерпевшие веками серьезных изменений, стали его не устраивать, патриарх старался угодить царю. Время проведения церковных реформ было для Никона самым тяжелым периодом его жизни. Так отозвался о своем герое Личутин на интервью: *Никон был равнодушен к реформе, находился постоянно в состоянии тревоги и всеобщей переделки. Ведь, он был при дворе помощником царя А.М., то значит — пособником и деятелем переворота. Невольно стал носителем идей, на самом деле внутри совершенно был другой. Поэтому-то он легко охладил к переменам, которые сам и сделал. Не понимал до конца, что затеял, какой глубины ров вырывал, устроив перетряску христианской Церкви.* В лице московских бояр Никон приобрел недоброжелателей, которые не питали к своему патриарху уважения, считая, что он позарился на царскую власть. Гордость патриарха была ущемлена. Личутин пытается остановить своего героя, обращается к тем, кто желает ему гибели. *Но пространна Русь и оттого кажется безъязыковой, и так трудно и долго ждать от нее ответа* (1995;2:65). Но оставив патриаршество, упрямый патриарх надеялся, что А. М. его остановит, уступит его высокому церковному сану (1998;3/3:65).

Государь чувствовал шаткость смещения Никона и не мог пережить своей вины перед собиным другом, <...> и лишь чувство растравленной гордыни не давало поклонить перед Никоном головы и вернуть его назад в Кремль (1998;3/3:65).

Такой вывод, касающийся ссылки Никона из Москвы, делает писатель: *Не то странно, что один из зачинщиков перемен, первый пособитель А. М. оказался в неволе по прихоти царя (такова неизбежная судьба сильных мира сего). Но только безумец, хотящий труса и гибели своему отечеству, мог томить патриарха в юзах, слать на него наветы и строить беззащитному всякие куры при дворе лишь в угоду своему животу* (1998;3/3:65). Патриарх был в отчаянии, это было крушение его теократических идей, ведь, он мыслил себя патриархом всея Руси:

Не понимает того, дурак, что патриарха сам Господь на царствие помазывает. И только смерть может снять с меня этот сан. <...> Я — отец Руси (1997;3/3:46).

Показав в романе нелегкий путь Никона к смирению, Личутин не говорит прямо об его кардинальной внутренней перемене. Но посредством Евтея-стрельца автор дает патриарху услышать те слова, о которых тот сам, наверняка, уже подумывал: *Ваше святейшество! Отступился бы ты от хозяина. Склони голову, наברי в рот воды. Молчком да тишком и гору своротишь. А ты на медведя с дубьем. Ты смирился, отче. Смиранным Бог дает благодать* (1997;3/1:23-24). Хотя А. М. не оставлял вниманием Никона, когда-то выполнявшего его царскую волю.

И только тут к монастырю подъехали три подводы с подорожной кладью и московскими гостинцами... Царь послал от себя сто рублей денег, да от царицы мех соболей, мех беличий хребтовый, десять полотен, да от царевича Алексея пять белуг, десять осетров, десять лососей, по пуду икры зернистой и паюсной (1997;3/1:25).

Никона тяготила всякая вражда, и он легко прощал, если замечал желание пойти ему навстречу (Ключевский 1957;3:298). Личутин показывает, что опальный патриарх начал искать тропу к миру: *Ну, прощаю царя и царицу, и чад его* (1997;3/1:29). Писатель наделяет своего героя чувством ответственности за своего государя. При посещении Никона в ссылке Голубовским, одним из героев романа, можно утвердиться в никоновской верности Божьему помазаннику: *Снова на царя взялся, идолище поганое? Вор он и меня в воровское дело поманывает. Кто я тебе? Патриарх или собачья щень, чтобы испытывать меня посреди чужой беды?* (1997;3/1:36-37). Личутинский патриарх Никон пытается уберечь царя, он продолжает быть ему верен: *Писать тебе нельзя, боюсь изменников твоих. Меня изведут, а твое дело погаснет без вести... На Москве изменники твои хотят тебя очаровать или очаровали* (1997;3/1:45). Но полное признание, как истинного рачителя и поборника по святой непорочной вере, получает Никон только от нового царя Федора Алексеевича, сына А. М. (1998;3/3:70). Старый Никон уже принял схиму, особый статус монашества. На этой своей последней стези попросил он у всех прощения: *Ведомо вам буди, яко болен есмь болезнию великой, вставать не могу... умереть мне будет внезапну. Пожалуйте, чада моя, не попомните моей грубости* (1998;3/3:71). Власть и придворное общество погасили в Никоне духовные силы, дарованные ему щедрой для него природой (Ключевский 1957;3:308-309). Личутин пишет, что Никон всю жизнь шел громкой дорогой святительства, строил монастыри, разнимал вздорных, казнил и миловал и наконец на исходе лет встал на путь святости (1998;3/3:66). На упомянутом выше интервью автор сказал: *в этом состоянии Никон оказался передельщиком или новатором, творцом нового состояния общественного. Он был вовлечен в смуту и игру умов и идей людей царского двора. Но*

*он испугался потом и отстранился от своего дела, от своей затеи, закрыл на это глаза. Никон так и сказал, что — ваше дело, как хотите так и молитесь. Хотите щепотью, хотите двумя пальцами, хотите тремя, это не так важно. По старым книгам читайте, по новым. Он оставался по-прежнему глубоко религиозным русским человеком, выдающимся и гениальным, совершившим перемены без внутреннего желания, под давлением извне. Автор Раскола отдает дань доброты своему герою.*

Никон был совсем плох, <...> покойно с улыбкой глядел в мерцающий таинственный окоем, расписанный малахитами, испрошенный червчатой, золотной и серебряной нитью... То Господь в праздничном саккосе и митре, унизанной алмазами, встречал раба своего Никона. <...> Слух об умирающем опальном патриархе <...> заставлял выбредать на Волгу людишек. <...> Люди плакали, припадали к руке святителя, прося прощения (1998;3/3:72).

### **5.6.3 Царский двор**

Рассматривая проблему раскола в РПЦ, Личутин исходил прежде всего от причины проведения церковной реформы. Идея царя А. М. и его окружения в становлении Москвы как мирового православного центра лежит в ее основе. Автор отводит в этом большую роль *царскому двору*. Когда в 1645 г. А. М. взошел на престол, ему не было и шестнадцати лет, поэтому совсем не удивительно, что он попал под влияние близко стоявших к нему людей. Все трое были твердо преданными Церкви и подлинно верующими людьми, для которых вера была частью их личной жизни и деятельности (Зеньковский 1995:102-103). Эти придворные сторонники западной культуры, Морозов и Ртищев, дорожили немцами, как мастерами, привечали греков и киевлян, как церковных учителей (Ключевский 1957;3:302). Личутин пишет, что духовник Стефан Вонифатьев был самым близким царю из окружения. Богатою книжною жатвою безбедно и радостно жил он; медоточивы были его уста, и увещательные слова его падали в душу государя, как добрые семена на утешенную пашню. Спал он на сундуке, под голову сунув березовое поленце, обтянутое холстом. Иссохлый весь, с пенным ворохом волос он был как дозорный стерх на гнезде (1994;1:16). Ключевский говорил, что духовник царский был прав, сказав, что в Московском государстве нет Церкви Божией, если говорить о церковно-иерархической дисциплине и богослужбном порядке (Ключевский 1957;3:302). У Личутина Вонифатьев называет А. М. новым Моисеем. Он говорит царю, что царские рабы позабыли крест истинный и канон (1994;1:18). Вонифатьев и отправился в Великий Новгород уговаривать Никона,

способного совершить церковные преобразования, на патриарший пост: *Хошь, на колени падет старик? Зазываю я вместе с государем* (1994;1:73).

У Личутина в романе Борис Морозов является ближайшим боярином царя. Автор говорит, что Морозов, любивший себя и немца, ездивший в карете с зеркальными окнами, привил государю Алексею то особенное благочестие, которое напрочь отстранило царя от русских обычаев, казавшихся ему отныне косным, грубым позорищем, отвращающим народ от Господа (1994;1:22). Он одел своего воспитанника в немецкое платье, палаты каменные состроил, оббив стены золотыми кожами бельгийской работы, да и весь быт его на иноземный лад (1994;1:101).

Моя жизнь — твоя... Но я и о земле нашей радею. Надо отворить жилы и выпустить дурную кровь. <...> А. М. впусти в Русь торговца. Золото и жидкую кровь делает горячей. <...> А добрый ангел нашептывал остереженье <...>. Государь, укороти немедля боярина, сорви с ушей покровцы обманчивых слов, ибо в каждом отрава и соблазн (1995;2:39).

Постельничий царя боярин Федор Ртищев отличался от других слуг своим особым благочестием (1995;2:33). Личутин, описывая встречу *ревнителей благочестия*, говорит, что даже то, как сидит Ртищев, с показною покорностью, раздражало Аввакума, и ему хотелось вывести эту незлобивую натуру из себя. Искренне смиренный Ртищев, принакрыл даже уши ладонями, дожидаясь, когда уймется протопоп (1994;1:52). Но также, как и первые два боярина, он имел влияние на А. М. На протяжении всего романа он поддерживает царя, соглашается с его идеями. Несомненно, царское окружение лелеяло мечту о православном центре во главе со своим царем. Перемены, затеянные ими, несли большие изменения, которые не были оправданы по мнению автора романа.

Затейщики всякого переустройства, свары и смуты исходят из <...> большого упрямства и самомнения, что им все позволено <...>; меньшинство иначит жизнь окружающую по своему вкусу, <...> силою сталкивает большинство народу с заповеданного предками пути, уверяя, что все старое — худое, все прежнее — изжитое; что в иных народах похвальное, то в наших землях — отвратное: не так ходим, едим, глядим, одеваемся, пьем, смеемся <...>. Говорят, де, наш-то государь — Алексей Тишайший: де, он и мухи не пообидит <...>. Так придворные льстецы шепчут (1997;3/1:50).

## 5.6.4 Противники реформы

В этой группе противников нововведений в Церкви я объединила отдельные образы романа, которые занимают одинаковую позицию к реформации Русской Церкви.



Полное представление замыслов этих героев поможет раскрыть их идейную направленность. Каким образом Личутин смог связать их общей нитью, понимая, что существовала причина их неприязни к патриарху Никону как церковному временщику? Отстраненные от участия в столь важном деле, как реформация Церкви, бывшие *боголюбцы* не смогли простить это патриарху. Субботин утверждает, что удаление их от дел было воспринято как труднопереносимое *унижение и оскорбление*, а поэтому оскорбленные *ревнител* ждали случая отомстить и тем вразумить новоизбранного патриарха (Субботин 1875;8:361). Противостояние вылилось в раскол Церкви и общества, но память о первых совместных делах *ревнителей благочестия* осталась.

И кто бы подумать мог, что именно здесь четыре благолепных искренних богомольщика решили сегодня судьбу Руси <...>, повернули колымагу с торной дороги на неясный, потерявшийся в потемках, робко ослепленный путь (1994;1:49).

#### ***5.6.4.1 Протопоп Аввакум***

Одним из основных противников реформы, идейным и неукротимым защитником старого образа жизни в Московской Руси в романе является протопоп Аввакум Петров, который был историческим лицом той эпохи. В моем повествовании о царе протопоп был уже представлен, тогда отношение А. М. к Аввакуму сформировалось под впечатлением царского сна. Будучи выразителем старых русских традиций, протопоп становится в центре противоречия идеям царя и его сподвижников. Ключевский определяет в протопопе Аввакуме не только популярного проповедника, но и народного агитатора (Ключевский 1957;3:307). Личутинский Аввакум — яркий персонаж, как личность он привлекал к себе людей, у него было много сторонников. Героини романа боярыня Морозова и княгиня Урусова чувствовали поддержку протопопа в своей борьбе за старую веру. Называя его отцом истинным и заступником, Урусова выделяла Аввакума среди других защитников старины, ей же и показался над головой протопопа свет небесный, как бы причисляющий того к святости. Все застолье, старицы и милостынницы, присутствующие тогда при этом в доме боярыни Морозовой, повернулись к Аввакуму и увидели *это солнечное кружило над ним* (1997;2:102-103). Писатель указывает на то, что протопоп был среди своих сторонников большим авторитетом, он и в отдалении от Москвы не забывал своих духовных чад. Ссылная переписка Аввакума с боярыней Морозовой наводит на размышление об отеческой заботе, о доброте его сердца:

Ну, дружище, правду тебе говорю. Кто кого любит, тот о том и печется и о нем помышляет перед Богом. А вы мне все больны (1997;3/1:80).

Аввакум во время своего заключения размышлял о выпавшей ему доле и сравнивал себя с другими страдальцами. *Протопоп лишь вопит о страстях, рассылая письма по Руси, а, ведь, мучаются другие; косому дьякону уж другой раз режут язык, распоне Лазарю рубят руку, а он словно кнур на откорме. Вернулся Аввакум в обиде и гневе, скинул с себя одежду и выметал в окно* (1997;3/1:75). Понимание происходящего не устраивало протопопа, такое самоуничижение Аввакума было вызвано по его мнению несправедливостью, ведь, его сотоварищи страдали больше, чем он. Но этому противопоставляется другая душевная характеристика героя. Личутин пишет о подвиге Аввакума, как о самоличном, на который тот пошел осознанно. Но одновременно с этим, у протопопа появилось тщеславие. Он чувствовал какую-то героичку в своем противлении Никону, приняв на себя страдальческий ореол. Аввакум сравнивает свое страдание с другими страсотерпцами, считая, что ему много пришлось претерпеть в сибирской ссылке. На заметку писателя о том, что казакам, высланных вместе с протопопом, пришлось пострадать намного больше (они замерзали на Байкале, умирали от холода на Енисее), Аввакум говорит, что он более сильный человек, чем те слабые страдальцы. *Аввакумушко, похвалебщик же ты, однако!* — завершает Личутин диалог со своим героем (1997;3/1:76). Надежда протопопа на благополучный исход его борьбы не иссякала, он ожидал возвращения дореформенных канонов в Русской Церкви. Но по указу нового государя Федора ему пришлось перенести более тяжкое испытание, из которого он уже отправился в другой мир. В романе протопоп Аввакум, пострадав за отстаивание своих убеждений, предстает перед нами мучеником. Его душа, пройдя все земные страдания, наконец-то поднялась уже в верх; ведь, *темница горит в печи, а душа, как бисер и чистое золото, вздымается с ангелами выспрь...*(1998;3/3:65). Писатель особенно выделяет день смерти, приближая героев за перенесенные страдания к святости.

Страстной четверг нынче <...>. Эх, в какой необыкновенный день понововило умереть! Через три дня Христова Пасха; Христос на землю, а мы к нему в чертоги... Поминай же, Русь православная верных сынов своих, святых мучеников за веру (1998;3/3:74).

### 5.6.4.2 Протопоп И. Неронов

Протопоп Иван Неронов также был потрясен переменами в церковном обряде, хотя бы и потому, что это было проведено без участия бывших *боголюбцев* — *ревнителей церковного благочестия*. Зеньковский указывает, что в сопротивлении Неронова мероприятиям патриарха значительную роль играли не только идеологические, но и личные мотивы. Старый вождь боголюбцев не мог примириться с тем, что новый патриарх смог удалить от влияния в Церкви ветеранов протопопов. Неронов также обладал и довольно сильной реакцией на проведенную Никоном церковную реформу. И бесполезно гадать, уступил бы в конце концов Никон настойчивому давлению Неронова, и вернулся бы он к им самим отверженному московскому обряду (Зеньковский 1995:236-242). Но личутинского Неронова нельзя сравнивать с противоборцем Аввакумом в романе. Писатель не наделяет Неронова такой решимостью, но дает ему смирение и подводит к интуитивному осмыслению ситуации. Монах Григорий (Неронов в монашестве) понимает, что патриарх Никон не зачинатель новшеств в государстве, а *только исполнитель государственной воли*.

И Григорий, укоряя себя за прошлую гордыню, <...> стал сокрушенно размышлять: Кто я окаянный? Не хочу творить раздора со вселенскими патриархами...И вдруг с душевной легкостью предал инок отеческий обычай <...>, ибо открылась ему в уединении вся правда...Что есть Никон? Он не звезда на небосклоне <...>, но всего лишь березовый оскепок, что вспыхнул по прихоти государя и вскоре осыплется прахом (1994;2:28).

Неронов окончательно *отказался от оппозиции* на церковном Соборе в 1666 г. В романе он решил примириться с новыми веяниями в РПЦ. Неронов сказал Никону, что вселенским патриархам не противится, но не покорится только ему одному. Никон считал, что вроде бы главного своего супротивника он заставил смалодушествовать, переманил на свою сторону (1994;2:30).

### 5.6.4.3 Боярыня Морозова

Героиня романа — боярыня Феодосия Морозова была самой яркой и выразительной сторонницей старого образа жизни. Она жила в своих русских традициях, ей были не нужны преобразования в Церкви. Ведь, крещена она была в старой отцовской вере православия, и был страх морально себя переламывать. Новины, пришедшие в Москву при царе А. М., Морозову не устраивали, ей было трудно перенести перемены исхода

из ее религиозности: *Он пошто жизни-то нам не дает, а лепит ее сызнова по пустой дури и чужеземной подсказке? Я четвертая боярыня на Руси, а он меня кличет, как уличную девку. Какой он нам царь? Какой отец?* (1997;3/1:68). Демкова отмечает, что древнерусский человек жил и мыслил в рамках религиозного сознания. Он окормлялся верой как насущным хлебом (Демкова 1991:15). Поэтому Феодосия сохраняла верность своим традициям, старому укладу жизни и менять его на другой не хотела. В романе Морозова показана гордой боярыней, автор подчеркивает, что у нее своенравный характер. Ведь, шестьдесят человек ее дворни не смели тревожить свою госпожу. Она могла и миловать, но могла и в Зюзино в имение на землю сослать (1994;1:38). Несгибаемая сила воли помогла боярыне не сломиться в тяжелых испытаниях, что даже придало ее образу некую победоносность. Так, герой романа князь Волынский говорит боярыне, что она возгордилась пред царем, влезла на такую вышину, где и сам государь себя не числит. Он уговаривал ее остепениться и образумиться. На что Морозова ответила, что его учения ей не по нраву, а у царя такие вот пропащие слуги, как он, князь. Сама же она чурается земной славы и никого не боится: *Я только Господа Бога нашего боюся, ибо я Христова дочь, за мною вся правда* (1997;3/2:69). Это и утвердило ее в качестве героини, а позже и святой у старообрядцев. Зеньковский пишет, что когда до Собора 1666-1667 гг. наметились главные центры стояния за старую веру, то среди них был и небольшой кружок вокруг боярыни Морозовой (Зеньковский 1995:276). У Личутина Морозова также считала изменой утверждаться в новой вере.

Отец мне один — Господь Бог. Это вы Бога не страшитесь потерять, а я боюся... И на что мне ваши хлевища? Можно и дома молиться; затвори клеть и там помолись. Господь вездесущ, увидит и услышит меня, грешную (1997;3/1:12).

Хочу отметить в моей работе один из памятников древнерусской литературы — *Повесть о боярыне Морозовой*, автором которой является неизвестный современник боярыни. Весьма интересный пример из этой повести приводит Демкова. Когда Морозова (тогда уже ставшая монахиней Феодорой) не явилась на свадьбу царя с новой будущей царицей Натальей Нарышкиной, А. М. воспринял отказ как тяжкое оскорбление. Здесь можно провести параллель между личутинским *Расколом* с одной стороны и повестью неизвестного автора с другой: *оба произведения показали боярыню сильной и независимой женщиной, не способной изменять своим убеждениям.*

Тогда блаженная Феодора <...> начат вдаваться большим подвигам: посту, и молитве, и молчанию, а от домовых дел, от всех, нача уклоняться, сказующи себя болящу. <...> Егда

же приспе брак царев, <...> тогда Феодора не восхоте на брак царев прийти с прочими боярынами. <...> Царь же рече: *Вем, яко загордилася!* (Демкова 1991:25).

В главе об истории раскола я говорила о том, что своеобразие личности боярыни ярко запечатлено в ее письмах. Демкова говорит, что Морозова вела оживленную переписку со своими единомышленниками и была адресатом многих деятелей раннего старообрядчества (Демкова 1991:144). Личутин пишет, что письменные весточки от Федосьи задевали Аввакума за живое: к ее словам он прислушивался. Написанные в два столбца письма, протопоп, находясь в неволе, перечитывал по несколько раз (1997;3/1:79-80). Демкова также пишет, что Морозова превратилась в символ того народного движения, которое известно под названием раскол. У этого движения два символа: протопоп Аввакум и боярыня Морозова (Демкова 1991:7). Неординарность силы воли и необычайное равновесие души у боярыни находит Личутин, когда она была обречена на мученическую смерть. Вместе со своей сестрой — княгиней Евдокией Урусовой и другой героиней *Раскола* Марией Даниловой она обрела покой не сломясь, считая высшим проявлением погибнуть за свою старую веру.

Сверху с грохотом выставили лестницу, спустился в яму осторожный кузнец и оковал мучениц, надел на шею железные оgorлия с долгой цепью и приторочил к дубовым колодам, вроде бы несчастные бабицы могли бежать из неволи (1998;3/3:13).

Личутин особенно уделил большое внимание этим персонажам при описании последних дней их жизни, когда по распоряжению царя А. М. они были уморены голодом. Боярыня Морозова осталась верна до последней минуты старой вере. Она понимала, что наступил ее трагический конец, но не отказалась от своих убеждений. Писатель же делает вывод: *государь, потеряв всякие надежды привести строптивых к покаянию и ожесточившись сердцем, решил уморить их в безмолвии* (1998;3/3:13).

#### **5.6.4.4 Соловецкий монастырь**

Но не только часть духовенства и населения не восприняли реформу в РПЦ. Соловецкий монастырь, где монахи отличались трудолюбием, нестяжанием, кротостью и смирением, также встал на путь сопротивления. Хочу подчеркнуть, что культурное и хозяйственное значение этого оплота русской веры и традиции, главного экономического центра во всем районе Белого моря, было совершенно

исключительным (Зеньковский 1995:311-313). Личутин выделяет Соловки среди других русских монастырей, это край его детства, он особенно ему дорог.

Для одних чужедальняя сторонюшка, испролитая горькими слезами, почитай, самый край света, окруженный полуночными льдами. <...> Для других — сладкая обитель, напоенная божественным мирром. <...> А для поморянина — это свойская, родимая земляца, воистину райское место (1997;3/1:53).

В романе Соловецкий монастырь — основной церковный центр, долго и упорно противостоящий реформе. Личутин подробно описывает события знаменитого *Соловецкого сидения* и ставит во главу угла пренебрежение царем А. М. мнением монастырского мира относительно резкой церковной пертурбации. Монахи не выдержали, пожелали мщения государю-гонителю. От страха перед Господом и за будущее Руси, скользящей в пропасть великой смуты, монастырские старцы решили запереться в обители и отказаться от царя (1997;3/1:29-30). После того, как соловецкий монастырский Собор 1658 г. постановил служить только по старым книгам, братия упорно сопротивлялась многочисленным попыткам правительства ввести новый обряд (Зеньковский 1995:276). Личутин описывает весь процесс подготовки к осаде в подробнейших деталях: превратив Соловецкий монастырь в вооруженную цитадель церковной реформы, монахи стали воинами за свое правое дело.

От Никольских ворот до Квасоваренной башни стена была низка, кладена кирпичем, и чернцы нарубили поверх бревенчатые тарасы и покрыли крышею; <...> по всем обломам и башням вдоль стен разоставили на станах шестьдесят три крупные и мелкие крепостные пушки, годные к бою (1997;3/1:31).

Семен Денисов (1682-1741), церковный историк — старовер, посвятил осаде монастыря *Историю об отцах и страдальцах соловецких*. Он привел факты, нашедшие место и в романе: *прочии же вси уготовишася на смерть за древлецерковные законы, их же число до тысящи и пятих сот восхождаше* (Денисов 1863:277). Личутин говорит, что царь не мог никак поверить в серьезность намерения, ведь, только с ума сшедший станет сидеть посреди стылого моря, теша наивную мечту. И чем пуще обхаживал царь Соловки, присылая туда послов и увещавателей, чем дольше медлил он с военной силой, тем крепче возгоржались мятежники, вдруг почуяв свою несокрушимую силу. Восьмой год монастырь противился государю, не желал признать его кощунных новин (1997;3/1:29-31). Монахи-мятежники были стойкими бойцами, и автор пишет о черном утре 22

января 1676 г., как о дне смерти монастыря. Архимандрит Никанор предупреждал царя о том, что пролитая кровь мучеников скоро прорастет на Руси для новой жатвы (1998;3/3:38). Личутин дает А. М. прозрение перед его смертью, царь умер не спокойно: *Старцы воят соловецкие... Шлите гонца. Пусть войска отступят* (1998;3/3:35).

# ГЛАВА 6

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

### 6.1 Роман Личутина — анализ раскола в Русской Церкви и обществе

Как я говорила ранее, идея теории *Москва — третий Рим* лежит в основе задуманных в Московской Руси преобразований. Несомненно, царь А. М. и его двор хотели и искали пути сближения с Европой, но пытались перечеркнуть свои национальные традиции. Это и привело к противостоянию сторонников и противников реформы. В. Личутин давно носил идею написания романа, где бы мог поднять этот важный и еще полностью не рассмотренный в литературе вопрос. Поэтому трилогия *Раскол* — философское размышление писателя о событиях того времени. *Церковный переворот задел все стороны русской жизни — от бытовых мелочей до духовных идеалов. Священники, в частности Аввакум, возмутились: не троньте букву «аз» — пусть лежит, где положено* (Рычкова 2006:08.08). Национальный путь развития автор видит в основе государства, в романе — России. Я уже говорила об этом, но хочу подчеркнуть, что он — сторонник старины. Но здесь хочу сказать о важном наблюдении: писатель увидел в предыстории явления раскола в Русской Церкви и обществе *соединительное звено (союз-симбиоз души и плоти)*. Для религиозного состояния человека всегда важно сохранение принятых устоев и правил, когда возникает такой союз. Он отметил на интервью, что очень важно было: какую шапку носить монарху, какую одежду; как есть, пить и т. д.

Вот и колокола сронили с церковью, лишили русскую землю благодати, перелив на пушки, и бороды-то сбрили, и в чужие кафтаны обрядили, отняв у народа-простеца Христово обличье (1998;3/3:75).

Но важно отметить, что в XVII в. Россия установила контакты с Западной Европой: завязала более стабильные торговые и дипломатические отношения. *Все это было необходимо государству, потому что Русь отстала за время монголо-татарского нашествия от Европы в технике, науке и просвещении.* Но вековой уклад жизни Московской Руси тогда было еще сложно изменить. Борьба трех направлений при царе А. М.: национального, западного и греческого (сторонников греческой формы



православия) явилась важным фактором возникновения раскола. Личутин впервые в русской литературе постиг размах такого горя, он говорит о трагических результатах реформации Церкви, что привело к дестабилизации в государстве. *Царская воля, поддерживаемая приближенными, встретила готовность новоиспеченного патриарха Никона в исполнении ими задуманного*. Но нельзя однозначно говорить, что Никон не осознавал всего, ведь, была у него идея воссоздания православной цивилизации. Настраивать Церковь, как инструмент, А. М. сам не мог. Он мог влиять на патриарха Никона, но не мог на Церковь. Вообщем-то они шли к одной цели, но победу одержал А. М.; светская власть оказалась сильнее. Никон был ревностным архипастырем, но не продумал о задуманном до конца. Историк Русской Церкви А. В. Карташев сказал, что *Никон оказался не мудрецом, а слепцом* (Карташев 1959:152). Ведь, часть населения, выступившая против реформ, за сохранение традиций, за веру своих предков, осознанно шла на страдания. Личутин безутешен: *Кто бы знал, какой запах гари витает над Русью* (1998;3/3:75).

Роман *Раскол* имеет историческое значение. До этого произведения тема раскола, старообрядческого движения так широко не рассматривалась. Отображая события, характеризуя действия и поступки основных исторических лиц средневековой Руси, писатель раскрыл проблему упомянутого раскола.

## **6.2 Современное общество и отголоски раскола**

Трилогия *Раскол* написана в современное время о событиях другой эпохи, но важно то, что можно провести параллели между ними. Последствия явления раскола не так ординарны и просты, как это представлялось ранее. Феномен старообрядчества является не только религиозным компонентом, но и всегда был в основе политико-экономической жизни общества. Так, академик Д. Лихачев писал в своих трудах, что *наиболее состоятельный и работающий класс — старообрядцы. И уральскую промышленность старообрядцы создали* (Лихачев 1991:256). Личутин говорит в романе, что отголоски раскола будут слышны еще долго: *Раскололась Русская земля, и протянулась по ней, по ее православному сердцу незарастающая трещина* (1997;3/1:2).

Отход от национальных устоев не мог не вызвать потрясений в душе народа, не мог не отозваться самым отрицательным образом на его дальнейшей судьбе. Хранителям древнего русского православия пришлось бежать в глухие леса, где они стали основывать свои скиты, уходить в изгнание в чужие земли. Так, герой романа Любимко Ванюков сбил ватажку из полусотни мезенских и печорских мужиков и увел ее за Камень. Ушли с ним жена Олисава, сын и десять соловецких монахов. На пятом году скитаний по Сибири страдальцы срубили острожек и назвали его Беловодье. Но это уже другая страница истории (1998;3/3:79). Староверы были хранителями самобытного религиозного мировоззрения. Но ранее преследуемые властями, они продолжают до сих пор стоять на защите старины. Но, ведь, староверы в своем неприятии не заметили, как подошли к пропасти: логика раскола привела их, в конечном счете, к выпадению из Церкви. Да, сохранять национальное нужно и обязательно, но нельзя стоять на месте, не продвигаясь вперед. Процесс продвижения истории неизбежен, от отдельных личностей не зависящий. Его можно задержать, но вспять не повернуть. Нельзя было Россию изолировать: свободная торговля и общение с иностранцами должны получать развитие. Поставить Россию в положение изоляции удалось только коммунистам и то на не продолжительное время.

Несомненно, *явление раскол* несет отрицательное значение: целостность православного общества была нарушена. Сейчас уже нет той вражды, которая была изначально, но изолированность староверов от общества продолжает существовать. Исчезнет ли когда-нибудь эта *трещина-граница*, трудно сказать. Ведь, само явление раскола было масштабно и значительно. Прошло еще какое-то время, и народу был насильственно навязан атеизм, который оставил свой след, также разрушив единство Церкви и общества. Закончить свою работу я хочу словами современного патриарха РПЦ Кирилла: *Единство — сама суть бытия Церкви. Поэтому восстановление единства, конечно же, является великим торжеством Церкви* (патриарх Кирилл 2007:24).

# СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

## *Цитируемые работы*

Аввакум: *Житие протопопа Аввакума*: Хрестоматия по древнерусской литературе XI—XVII веков с комментарием на английском языке: *Хрестоматия по литературе*. Пластик–Информ, Челябинск, 1994

Аввакум: *Книга толкований и нравоучений*: Русская историческая библиотека. 39 том. Ленинград, 1927

Аввакум: *Письмо к боярыне Ф. П. Морозовой и княгине Е. П. Урусовой*: Н. Демкова: *Повесть о боярыне Морозовой*. Художественная литература, Москва, 1991

Андреевский, И. (ред.): *Энциклопедический словарь*: 1 том. Издательство Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, Санкт Петербург, 1890

Архипов, Ю.: Русское слово о русской душе. *Советская Россия* 24.03.2005/39

*Библия*: Российское Библейское общество, Москва, 2003

Большакова, А.: Человек Vs система. *Литературная газета* 2003/10

Булыгин, И.: *Аввакум Петрович*: Большая советская энциклопедия (БСЭ): 1 том. Издательство Советская энциклопедия, Москва, 1970

Буслаев, Ф.: *История русской литературы*: Лекции, читанные Его Императорскому Высочеству Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу (1859–1860): Вып. 1–3. Изд-во Московского ун-та, Москва, 1906

Вахитова, Т.: Личутин Владимир Владимирович: Словарь русской цивилизации. Издательство института Русской Цивилизации, 2007;  
<http://www.rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=4625&tm=5>

Воскобойникова, И.: Беглец из рая. *Магнитогорский металл* 03.09.2007

Гете, И.: *Фауст*. Перев. Б. Пастернака. Зарубежные классики. Рипол Классик, Москва, 1997

Глинин, Г. (ред.): *Хрестоматия по литературе*. Пластик–Информ, Челябинск, 1994

Гордович, К.: *Историческая проза*: История отечественной литературы. Специальная литература, Санкт-Петербург, 1997

Гудзий, Н.: *Протопоп Аввакум как писатель и как культурно-историческое явление: Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения*. Академия, Москва, 1934

Гусев, В.: *Протопоп Аввакум Петров — выдающийся русский писатель XVII века: Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения*. Труды Отдела древнерусской литературы, Москва, 1960

Гусев, В.: *Заметки о стиле Жития протопопа Аввакума: Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения*. Труды Отдела древнерусской литературы, Москва, 1960

Гусев, В.: *Протопоп Аввакум Петров: Житие протопопа Аввакума и другие его сочинения*. Труды Отдела древнерусской литературы, Москва, 1960

Демкова, Н.: *Повесть о боярыне Морозовой*. Художественная литература, Москва, 1991

Демкова, Н.: *Боярыня Морозова – символ и личность: Повесть о боярыне Морозовой*. Художественная литература, Москва, 1991

Денисов, С.: *История о отцах и страдальцах соловецких: Г. Есипов: Раскольничьи дела XVIII столетия: 2 том*. Издательство Д. Е. Кожанчикова, Санкт-Петербург, 1863;  
[http://www.staropomor.ru/Ist\(6\)/stradalcu.html](http://www.staropomor.ru/Ist(6)/stradalcu.html)

Достоевский, Ф.: *Идиот: неизданные материалы*. Художественная литература, Москва, 1931

Зеньковский, С.: *Русское старообрядчество*. Издательство журнала *Церковь*, Москва, 1995

Иосиф (Волоцкий): *Просветитель*. Казань, 1896

Карамзин, Н.: *История государства Российского: 12 томов*. Просвещение, Москва, 1990

Карташев, А.: *Очерки по истории Русской Церкви: 2 том*. ИМКА-Пресс, Париж, 1959

Карташев, А.: *Смысл старообрядчества*. Издательство журнала *Церковь*, Москва, 1992/2

Кирилл (патр.): *Вопросы и ответы (интервью)*. *Русская лепта* 2007/4

Ключевский, В.: *Сочинения: 3 том*. Государственное издательство политической литературы, Москва, 1957

Лесков, Н.: *Запечатленный ангел: Собрание сочинений: 2 том*. Правда, Москва, 1973

Лесков, Н.: *Печерские антики: Собрание сочинений: 4 том*. Правда, Москва, 1973

Личутин, В.: *Раскол: Книга первая: Венчание на царство*. *Роман-газета* 1994/4

Личутин, В.: *Раскол: Книга вторая: Крестный путь*. *Роман-газета* 1995/7-9

Личутин, В.: *Раскол*: Книга третья: Вознесение. *Роман-газета* 1997/23, 1997/24, 1998/3

Личутин, В.: *Слово о «бессловесных»*. Выступление на XI Всемирном Русском Народном Соборе, 14.03.2007; <http://www.voskres.ru/idea/litshutin.htm>

Лихачев, Д.: *Книга беспокойств*. Новости, Москва, 1991

Лобачев, С.: *Патриарх Никон*. Искусство-СПб, Санкт-Петербург, 2003

Макарова, И.: *Социалистический реализм: Русская литература XX века*. ЛОГОС, Высшая школа, Санкт-Петербург, 2002

Максим Грек: *Сочинения*. Издательство Св. Троицкая-Сергиева Лавра, 1910

Михайлов, А.: Поморские сюжеты. *Литературное обозрение* 1974/10

Нарыкова, Н.: *Каждому герою оставляю место для исправления*: Владимир Личутин. *Литературная Россия* 29.06.2007

Нестор: *Повесть временных лет*: Лихачев, Д.: *Древнерусская литература: Выбор веры*. АСТ Олимп, Москва, 1997

Павел Алеппский: Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию: 15 том, III часть. *Библиотека для чтения* 1860

ПСРЛ: *Памятники старинной русской литературы*: 1 том, ред. Н. Костомарова. Изд. гр. Г. Кушелева-Безбородко, Санкт-Петербург, 1860

Песков, В.: Таежный тупик. *Роман-газета* 2001/17

ПлДР: *Памятники литературы древней Руси. 17 век*: Книга первая. Просвещение, Москва, 1988

Пресняков, А.: *Российские самодержцы*. Книга, Москва, 1990

Путилов, Б.: *Древняя Русь в лицах*. Азбука, Санкт-Петербург, 1999

Распутин, В.: Словостав. *Восточно-Сибирская ПРАВДА* 01.04.2000

Рычкова, О.: Писателя без терзаний не бывает. *Труд* 08.08.2006/143

Соловьев, С.: *История России с древнейших времен*: в XVIII книгах: 11 том. Мысль, Москва, 1993

Стахорский, С.: *Энциклопедия литературных произведений*. Вагриус, Москва, 1998

Субботин, Н.: *Материалы для истории раскола*: 8 том. Москва, 1875

Тимофеев, Л.: *Основы теории литературы*. Просвещение, Москва, 1976

Ушаков, Д.: Древо памяти Владимира Личутина. *Вечерний Северодвинск* 10.03.2005

Шемякин, Я.: Старообрядчество и процесс формообразования в российской цивилизации. *Общественные науки и современность* 2006/2

Шмидт, В.: *Патриарх Никон. Труды*. Издание Московского государственного университета, Москва, 2004; <http://www.pravoslavie.ru/smi/607.htm>

Шумилов, М.: *История России*: в двух томах. Издательский Дом *Нева*, Санкт-Петербург, 2000

Antonov, B.: *Russian tsars*. Ivan Fiodorov. Art Publishers, St. Petersburg, 2005

Helle, L. J.: *Norge og russisk symbolisme. Dikteren Belyjs besøk i Bergen: Norge — Russland. Naboer gjennom 1000 år*. Norsk Folkemuseum, Oslo, 2004

## **Остальная релевантная литература**

Алексий II (патр.): Вопросы и ответы (интервью). *Русская лента* 2007/2

Афанасьев, А.: Опыт печали и счастья: О прозе Личутина. *Подъем* 1993/2

Баранова, Л.: *Душа и слово*: О Владимире Личутине. *Литературная учеба* 1984/4

*Большая советская энциклопедия* (БСЭ): в тридцати томах, 3-е издание. Издательство Советская энциклопедия, Москва, 1973

Бутромеев, В.: *Иллюстрированная русская история*. Деконт+, 1996

Дедков, И.: Глубокая память Зимнего берега. *Дружба народов* 1981/3

Демкова, Н.: *Житие протопопа Аввакума: (Творческая история произведения)*.

Издательство Ленинградского университета, Ленинград, 1974

Дюжев, Ю.: Древо памяти. *Север* 1988/3

Есипов, Г.: *Раскольничьи дела XVIII столетия*: 2 том. Санкт Петербург, 1861

Иоанн (Снычев), митроп.: *Очерки истории Санкт-Петербургской епархии*. Андреев и сыновья, Санкт-Петербург, 1994

Камянов, В.: По родословной линии. *Новый мир* 1977/4

Ключевский, В.: *Курс русской истории*: в девяти томах: 3 том, лекции LIV-LVI. Мысль, Москва, 1988

Колымагин, Б.: *К проблеме диалога со старообрядцами: Уроки истории. Континент* 2001/110

Кочуров, Н.: Владимир Личутин возвращает долги. *Северный рабочий* 03.09.2006

Лесков, Н.: *Искание школ старообрядцами: Полное собрание сочинений в тридцати томах: 3 том.* Правда, Москва, 1996

Личутин, В.: *Раскол.* ЛИО Редактор, Санкт-Петербург, 1994

Личутин, В.: *Раскол.* Санкт-Петербург, Санкт-Петербург, 1994

Лихачев, Д.: *Поэтика древнерусской литературы.* Художественная литература, Ленинград, 1967

Мальшев, В.: *Материалы к Летописи жизни протопопа Аввакума: Древнерусская книжность.* Пушкинский Дом, Ленинград, 1985

Настольная книга священнослужителя: 5, 6, 7 тома. Издательство Московской Патриархии, Москва, 1988

Панов, М.: *Энциклопедический словарь юного филолога.* Педагогика, Москва, 1984

Сахаров, А.: *История России с древнейших времен до конца XVII века.* Просвещение, Москва, 1995

Соловьев, С.: *Чтения и рассказы по истории России.* Правда, Москва, 1989

Стрелкова, И.: Предел. *Наши современник* 1990/6

Томашевский, Б.: *Теория литературы.* Государственное издательство, Ленинград, 1925

Черепанова, О.: *История русского языка.* Издание филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, 2003

Шикман, А.: *Деятели отечественной истории. Биографический справочник.* Москва, 1997

Kittang, A.: *Moderne litteraturteori. En innføring.* Universitetsforlaget, Oslo, 1993

Neset, T.: *Russisk språkhistorie for mastergradsstudenter.* Universitetet i Tromsø, Tromsø, 2006

Интервью с писателем В. В. Личутиным: 30.03.2008